

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. ИММАНУИЛА КАНТА

РЕТРОСПЕКТИВА

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ
ГЛАЗАМИ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Сборник научных статей

Выпуск 2

Издательство
Российского государственного университета им. Иммануила Канта
2006

УДК 930.9(08)
ББК 63.1
Р44

Редакционная коллегия

В.В. Сергеев, проф., д-р ист. наук, зав. кафедрой зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта (отв. редактор); *А.В. Золов*, доц., канд. ист. наук;
Ю.В. Костяшов, проф., д-р ист. наук;
И.О. Дементьев, доц., канд. ист. наук

Точки зрения авторов могут не совпадать
с позицией редколлегии

Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей: Сборник научных статей. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. – Вып. 2. – 103 с.
ISBN 5-88874-727-0

Сборник включает статьи молодых учёных из Российского государственного университета имени Иммануила Канта в Калининграде. Исследования посвящены различным проблемам методологии исторической науки, отечественной и зарубежной истории.

Издание предназначено для преподавателей, аспирантов и студентов исторических факультетов, а также всех интересующихся вопросами всемирной истории.

УДК 930.9(08)
ББК 63.1

ISBN 5-88874-727-0

© Коллектив авторов, 2006
© Издательство РГУ им. И. Канта,
2006

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ПАЙДЕЙЯ. К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Тишакова Е.Н.</i> Дж. Картер и проблема образования в США	4
<i>Косенков О.Н.</i> Возвращение в пройденное: организация начальной военной подготовки в школах Калининградской области в конце 60-х — начале 70-х годов XX в.	21

РАЗДЕЛ 2. ЗАПАД. XVIII — XIX ВЕКА

<i>Голованов М.В.</i> Политика Фридриха II по интеграции Восточной и Западной Пруссии в 1772 — 1786 гг.	26
<i>Мочалова Е.А.</i> Уильям Питт-младший и Чарлз Джеймс Фокс в отечественной историографии	33

РАЗДЕЛ 3. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. ВЕК XX

<i>Колмагоров К.Н.</i> Польский вопрос 1914 — 1921 гг.: поиск ответа ..	45
<i>Ковалёва М.А.</i> Проблема Вильнюса в польско-литовских отношениях (1918 — 1920 гг.)	51
<i>Молчанов Р.В.</i> Польско-литовский конфликт 1926 г. и позиция Великобритании	56
<i>Чернышёв Е.Ю.</i> Уинстон Черчилль и польский вопрос в годы Второй мировой войны	62
<i>Беспалов В.А.</i> Берлинская проблема и вопрос военного транзита	71
<i>Виноградова Ю.А.</i> Ватикан во внешнеполитической доктрине ПНР в 1970-е годы	97

Раздел 1

ПАЙДЕЙЯ. К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.Н. Тишакова

Дж. Картер и проблема образования в США

В США вплоть до середины 1970-х гг. не существовало централизованного органа управления системой просвещения, и это обстоятельство существенным образом сказывалось на развитии американского образования. Потребность государства в таком ведомстве возникла ещё в 50-е гг. XIX в. В период с 1908 по 1951 г. в Конгресс США было представлено 50 биллей, целью которых являлось создание министерства. Наконец в 1953 г. в стране появился специальный орган, осуществлявший координирующие и консультационные функции. Все вопросы, связанные с образованием – распределение федеральных ресурсов, выработка политики, координация программ – на общегосударственном уровне решались в общих чертах отделом образования Министерства здравоохранения, просвещения и социального обеспечения. Но уже тогда было ясно, что созданный отдел не в состоянии справиться со всеми текущими делами. В связи с этим попытки создать отдельное Министерство образования с широкими функциями и полномочиями не прекращались: на протяжении следующих 20 лет парламентариями было внесено 50 биллей. Но ни один из законопроектов не рассматривался Конгрессом, так как, во-первых, на повестке дня стояли иные вопросы, а во-вторых, предложенные билли не имели общественной поддержки¹.

Причины, препятствовавшие организации министерства, коренились в характерных особенностях американской системы просвещения. Во-первых, в соответствии с Конституцией США именно штатам и местным органам власти были делегированы основные полномочия и ответственность за состояние образования в стране, тогда как доля участия федерального правительства оставалась ничтожно малой. В США, по сути, отсутствовала единая система национального просвещения. Учебные заведения зависели от местных интересов, причём штатные и местные органы власти не только осуществляли управление государственными учебными заведениями, но и несли основное бремя их финансирования. В каждом из 50 штатов имела система руководства образованием, во главе

¹ См.: CR 95th Congr., 1st sess. 1977. Vol. 123. March 23. № 51. S 4723.

которой стоял отдел образования штата, а в городах и округах функционировали местные комитеты по образованию.

В 1976 г. страна была разделена на 17 тыс. школьных округов, размеры которых не зависели от числа жителей и, соответственно, от числа обучающихся: они колебались от таких гигантских мегаполисов, как Нью-Йорк и Чикаго, до небольших сельских общин с населением в несколько сотен человек. Несмотря на различные размеры школьных округов, круг вопросов, входивших в компетенцию их органов управления, был одинаков: взимание налогов на организацию образования, приём и увольнение учителей, определение содержания и методов обучения. В стране было 3 тыс. государственных и частных университетов и колледжей, 10 тыс. профессионально-технических школ. Они тоже требовали внимания со стороны государства, но в полной мере не получали его².

Вторая особенность системы американского просвещения заключалась в том, что в регионах страны были заметны различия в программах, требованиях и методах обучения, что напрямую сказывалось на качестве выпускаемых специалистов всех уровней. Не было установлено единых образовательных стандартов, учебных программ, общих критериев в этой сфере, так как штатные и местные органы власти самостоятельно принимали постановления, касающиеся этих вопросов, не согласовывая их с отделом образования³.

Третья особенность коренилась в финансировании системы просвещения. В США отсутствовала единая политика в этой области. Федеральное правительство не оказывало решающего финансового воздействия, его доля в общегосударственных расходах на начальное и среднее образование не превышала 8 %. При этом программы начального и среднего образования финансировали 20 различных ведомств, что отражалось на координировании этих программ. Финансирование осуществлялось в основном за счёт средств штатных и местных органов власти. Но местная налоговая система не в состоянии была обеспечить нужды всего образования. Что касается высшей школы, то здесь федеральное правительство оказывало большее влияние – в субсидировании высшей школы участвовало 40 различных государственных ведомств. Тем не менее роль штатов и местных властей в развитии системы высшего образования оставалось значительной. Усилия властей штатов были направлены

² См.: CR 95th Congr., 1st sess. 1977. Vol. 123. March 3. № 37. S 3375.

³ См.: *Система образования в США*. М., 1976. С. 27 – 28.

в первую очередь на создание, укрепление и расширение университетов⁴.

К середине 70-х гг. XX в. комплекс проблем, связанных с работой Министерства здравоохранения, просвещения и социального обеспечения, с одной стороны, и ряд нерешённых вопросов в области образования – с другой, с новой силой заставили звучать голоса в поддержку создания Министерства образования. Во время президентских выборов 1976 г. эта тема получила большое внимание в связи с тем, что о проблемах образования много говорил кандидат в президенты от демократической партии Джимми Картер. Он обещал добиться усиления роли федерального правительства в области просвещения, предлагал освободить Министерство здравоохранения, просвещения и социального обеспечения от всех функций, связанных с образовательной политикой, и создать отдельное министерство: «Я считаю, что общественность готова, и я выражу общее мнение, что необходимо создать это министерство»⁵. Можно выделить несколько причин, дающих объяснение, почему Дж. Картер настаивал на необходимости создать министерство образования.

Во-первых, как утверждал Картер, серьёзные проблемы, возникшие в области образования, были вызваны бюрократией, царившей в Министерстве здравоохранения, просвещения и социального обеспечения. Министерство отвечало за осуществление более 300 разнообразных социальных программ, призванных помочь американскому народу. В зависимости от категории помощи программы были разделены между агентствами и ведомствами министерства, в которые входили служба общественного здравоохранения, администрация по социальному страхованию, администрация по финансированию программ страхования здоровья, управление по развитию людских ресурсов, бюро по делам индейцев, бюро по гражданским правам, отдел образования, бюро просвещения. Основное внимание министерство уделяло программам здравоохранения и социального обеспечения, и только потом – образовательным программам⁶.

Бюрократизм в отношении образовательных программ был напрямую связан с тем, что в министерстве существовали две должности, дублировавшие друг друга: специальный уполномоченный по образованию и помощник министра, отвечавший за образование

⁴ См.: CR 95th Congr., 1st sess. 1977. Vol. 123. March 3. № 37. S 3375.

⁵ *The Wit and Wisdom of Jimmy Carter* / Ed. by B. Adler. N.Y., 1977. P. 103.

⁶ См.: *Ионова Е. П.* Новое министерство в Вашингтоне // США: ЭПИ. 1980. № 3. С. 66.

(глава отдела образования). Формально обе должности были равноценны по значению, степени влияния на образовательную политику, доступности к министру, но на практике всё обстояло иначе. Чиновники не имели «быстрого» доступа к министру и возможности донести до него проблемы, связанные с политикой образования. Особенно затруднительно это было для специального уполномоченного по образованию. По словам Терела Белла, занимавшего эту должность в 1970 – 1972 гг., «очень трудно было министру найти время, чтобы поговорить о положении в сфере образования из-за огромной его загруженности по другим проблемам министерства». И совсем невозможным оказывалось для чиновников добиться аудиенции у президента. Белл вспоминал, что за два года своего пребывания в должности имел только одну возможность встретиться напрямую с Никсоном – в тот день, когда получил назначение⁷.

Во-вторых, не наблюдалось координации образовательных программ. На тот период времени в США насчитывалось около 200 программ, так или иначе связанных с образованием: 138 образовательных программ находились под контролем отдела образования, тогда как оставшиеся 62 программы были рассредоточены между 40 различными министерствами и ведомствами. Среди них – Министерство жилищного строительства и городского развития, финансировавшее строительство школ, колледжей; Министерство обороны, наблюдавшее за функционированием американских школ, находящихся за границей, в которых обучались дети военнослужащих; Министерство сельского хозяйства, курировавшее программы питания школьников и студентов; Национальный институт образования и Национальная научная организация, занимавшиеся исследованиями в области образования, разработкой новых учебных программ, а также ведающие программами обучения учителей начальных и средних школ; бюро по делам индейцев, в чьи функции входил контроль за образованием детей этой национальности⁸. В результате образовательные программы различных министерств и ведомств были раздроблены, их деятельность не согласована, подготовка специалистов различного уровня осуществлялась таким образом, что среднее образование было оторвано от высшей школы. Поэтому Картер предлагал перевести в одно министерство все программы, связанные с образовательной политикой, чтобы добиться их унификации и консолидации.

В-третьих, на протяжении 1970-х гг. в США наблюдался финансовый кризис в системе образования, считавшийся самым серьёз-

⁷ CR 95th Congr., 1st sess. 1977. Vol. 123. Jan. 24. № 6. S 588.

⁸ См.: CR 95th Congr., 1st sess. 1977. Vol. 123. March 15. № 45. S 4175.

ным за долгие годы. Он был вызван спадом в экономике. Как результат, сокращалось местное и штатное финансирование. Традиционно местные органы власти оплачивали 48,4 % общих расходов на образование, штаты платили 43,3 %, в то время как федеральная часть финансирования составляла 8,2 %.

Бюджет Министерства здравоохранения, просвещения и социального обеспечения был одним из самых больших в мире в рамках подобных государственных структур и составлял в 1976 г. 145 млрд долларов, из которых 9 млрд приходились на всю систему образования, а остальная часть бюджета распределялась между двумя компонентами министерства – здравоохранением и социальным обеспечением. При этом федеральные расходы на образование ежегодно сокращались в рамках регулярного пересмотра социальных программ по бюджету. Если в 1966 г. расходы на образование составляли 11,5 %, то в 1976 г. эта доля сократилась до 8,2 %, и сумма в 9 млрд долларов была явно недостаточной для содержания всей системы образования. Поэтому Картер выступал за увеличение федеральной помощи начальному, среднему и высшему образованию, за реформу местной налоговой системы с целью поощрения расходов на просвещение, и как средство достижения этого предлагал создать Министерство образования⁹.

В понимании Картера, министерство могло обеспечить надёжную поддержку штатам и местным органам власти, государства и частным институтам со стороны федерального правительства, а также помочь наладить связь между субъектами, участвующими в осуществлении образовательных программ. Оно улучшило бы федеральное финансирование системы просвещения и покончило с практикой сокращения федеральных расходов на образование. Наконец, министерство ликвидировало бы дублирование в управлении образовательной системой¹⁰. Иными словами, создав Министерство образования, Картер рассчитывал одновременно решить организационную, методическую и финансовую проблемы, которые существовали на тот момент в американской системе просвещения.

Инициативу Картера о создании министерства с энтузиазмом поддержали в сенате. Билль под названием «Закон 1977 г. о Министерстве образования», получивший одобрение президента и приоритет в дальнейшем рассмотрении, был предложен 15 марта 1977 г. 57 сенаторами. Инициатором разработки билля выступил председатель сенатской комиссии по вопросам деятельности пра-

⁹ См.: CR 95th Congr., 1st sess. 1977. Vol. 123. March 23. № 51. S 4723 – 24.

¹⁰ См.: Hill D., Williams Ph. The Carter Years. N.Y., 1984. P. 23.

вительственных органов демократ Абрахам Рибикоф, который сам в прошлом был министром здравоохранения, просвещения и социального обеспечения. Будучи сенатором, А. Рибикоф стал главным сторонником создания министерства. С тех пор, как в 1965 г. Рибикоф впервые был избран в Конгресс, он неизменно поднимал вопрос о его организации. Сенатор говорил: «Вся наша система образования так или иначе зависима от заверений и руководства федерального правительства. Поэтому оно должно взять под контроль ответственность за образование граждан. Только возрастание федерального участия в образовании и создание министерства смогут увеличить доверие американцев к нашей системе просвещения»¹¹.

Законопроект предусматривал перевод в министерство всех государственных программ, которые имели отношение к образованию, но были рассредоточены по различным министерствам и ведомствам. Так, в будущее министерство переходили все программы отдела образования, а также учебно-воспитательная программа дошкольной подготовки для детей из бедных семей «Подготовка к старту». Подлежали переводу программы, находившиеся под контролем бюро по делам индейцев, программы школьных завтраков и обедов из Министерства сельского хозяйства, программы стипендий для малоимущих студентов колледжей и университетов из Министерства юстиции. Под юрисдикцию будущего министерства попадали все школы, находившиеся за пределами США, в которых обучались дети военнослужащих¹².

После того как законопроект был представлен в сенате, его направили в сенатскую комиссию по вопросам деятельности правительственных органов, во главе которой стоял А. Рибикоф. От решения комиссии зависело, будет ли в дальнейшем сенат рассматривать билль, так как она давала разрешение на создание новых министерств и ведомств на федеральном уровне. Картер особо надеялся на авторитет и влияние сенатора.

Пока законопроект рассматривался сенатской комиссией по вопросам деятельности правительственных органов, президент в апреле распорядился учредить группу, которая должна была определить возможность создания в стране Министерства образования. В эту группу вошли представители общественности и члены Конгресса¹³. Как только законопроект о создании министерства был представлен в парламенте, вокруг него сразу же развернулась острая политическая борьба «заинтересованных групп».

¹¹ CR 95th Congr., 1st sess. 1977. Vol. 123. March 23. № 51. S 4724.

¹² См.: CR 95th Congr., 1st sess. 1977. Vol. 123. March 15. № 45. S 4176.

¹³ См.: Hill D., Williams Ph. Op. cit. P. 24.

Во главе сторонников создания министерства стояли Национальная ассоциация просвещения и профсоюз, в который входило 1,8 млн учителей и директоров школ. Президент ассоциации Дж. Райор, высказываясь о причинах, побудивших членов организации выступить за создание министерства, утверждал, что «министерство сможет формулировать приоритеты, цели и политику образования, включая административный контроль, сможет осуществлять необходимые планирование и координацию образовательных программ, надзор за распределением финансовых ресурсов»¹⁴.

Стремясь воплотить в жизнь проект по созданию Министерства образования, лидеры Национальной ассоциации просвещения нашли поддержку у Картера и позаботились о том, чтобы склонить на свою сторону членов Капитолия. Так, в период избирательной кампании в 95-й Конгресс ассоциация пожертвовала свыше 675 тыс. долларов, приняв участие в финансировании 310 кандидатов (как республиканцев, так и демократов), стремящихся быть избранными в парламент. Замысел увенчался успехом, и практически все кандидаты были избраны¹⁵. Одним словом, впервые за долгий период времени влияние ассоциации в Конгрессе стало двухпартийным. Заручившись поддержкой парламентариев, руководство профсоюза рассчитывало получить закон о создании министерства к концу 1978 г.

К противникам создания министерства относилась Американская федерация учителей – профсоюз, входивший в состав консервативной АФТ – КПП и объединявший свыше 250 тыс. педагогов и воспитателей. Эта организация была извечной соперницей Национальной ассоциации просвещения. Американская федерация учителей не отрицала идею создания министерства, но её сопротивление было вызвано тем, что данная идея исходила от Национальной ассоциации просвещения. Руководство Американской федерации учителей опасалось, что будь министерство создано, оно неминуемо попадёт под контроль Национальной ассоциации просвещения и повысит престиж этого профсоюза в рамках страны. Об этом неустанно говорил президент федерации А. Шенкер.

Лидеры Американской федерации учителей критиковали инициативу Национальной ассоциации просвещения по двум моментам. Во-первых, они беспокоились, что возрастание роли федерального правительства в американском образовании нарушит главную особенность системы образования США – приоритет штатных и местных властей в деятельности школ, колледжей, университетов, а

¹⁴ CR 96th Congr., 1st sess. 1979. Vol. 125. Sept. 27. № 127. H 8602.

¹⁵ См.: *Wall Street J.* 1979. Sept. 27. P. 1107.

чрезмерное участие государства в области образования приведёт к безразличию последнего к нуждам местных органов власти. Во-вторых, они считали, что создание этого ведомства моментально обернётся ростом новой «неконтролируемой бюрократии». Отстаивая свою точку зрения, Шенкер напомнил американцам, что одной из причин, по которой Дж. Картера избрали на должность, было его стремление провести в стране быструю реорганизацию федеральной бюрократии. И что же происходит в США? Президент сам настаивает на создании министерства, то есть выступает сторонником роста бюрократии¹⁶.

Работа комиссии Рибикофа была закончена в сентябре, и 12 – 14 октября 1977 г. прошли слушания по «Закону 1977 г. о Министерстве образования», по окончании которых члены комиссии одобрили билль, дав тем самым положительное заключение относительно создания в стране Министерства образования¹⁷. В ноябре 1977 г. группа, назначенная президентом в апреле, подвела итоги работы и тоже рекомендовала администрации создать министерство¹⁸.

Заключения группы и сенатской комиссии вызвали острую критику со стороны Службы управления и бюджета и некоторых высших чиновников администрации. Представители Службы управления и бюджета были возмущены тем, что президент предлагал создавать «новую бюрократию». А критика чиновников администрации исходила от министров труда, обороны и сельского хозяйства, которые не желали расставаться с этой частью своей власти. Самое большое негодование выразил министр здравоохранения, просвещения и социального обеспечения Дж. Калифано. «Министерство образования – не ответ школьникам и родителям на все их проблемы. Это видимая угроза суверенитету местных властей в управлении школами и колледжами, который является традиционным для американской системы образования», – доказывал Калифано¹⁹. Оппозиция министра планам президента вызвала недоумение и раздражение последнего, тем более что Картер считал Калифано соратником, человеком, близким по духу и мировоззрению, готовым поддержать любое его начинание.

С открытием 2-й сессии 95-го Конгресса парламентарии не смогли сразу приступить к рассмотрению «Закона 1977 г. о Министерстве образования». Билль был направлен в сенат и палату представителей в марте 1978 г., а в июле – августе в сенате состоялись

¹⁶ См.: *Ионова Е.П.* Указ. соч. С. 68.

¹⁷ См.: CR 95th Congr., 1st sess. 1977. Vol. 123. Oct. 28. № 175. S 18109.

¹⁸ См.: *Hill D., Williams Ph.* Op. cit. P. 24.

¹⁹ *U.S. News and World Report.* 1977. Feb. 13. P. 17 – 18.

слушания. При прениях на первый план выдвинулся вопрос о программе «Подготовка к старту». Согласно биллю программа перевода в Министерство образования из администрации по делам детей, молодёжи и семьям, которая входила в управление по развитию людских ресурсов Министерства здравоохранения, просвещения и социального обеспечения.

Против перевода выступил заместитель лидера демократической фракции в сенате А. Крэнстон. Он полагал, что в Министерстве образования эта программа окажется на втором плане, заслонённая от внимания министра проблемами начальной и средней школы. Крэнстон был уверен, что «дети из неблагополучных семей, охваченные хорошо спланированной и финансируемой программой, имеют больше шансов закончить среднюю школу, поступить в послесреднее учебное заведение и меньше на то, что они будут получать пособия по программам вспомоществования или будут вовлечены в правонарушения»²⁰. Двадцать второго июля он внёс в законопроект поправку, которую поддержали 25 сенаторов.

В целом слушания сената по «Закону 1977 г. о Министерстве образования» проходили спокойно, и 28 сентября 1978 г. во время голосования законопроект поддержали 72 сенатора, а 11 высказались против него²¹.

Иная ситуация сложилась в палате представителей: конгрессмены не желали заниматься рассмотрением законопроекта до конца работы 95-го Конгресса. Их не устраивал сенатский билль. Подавляющая часть конгрессменов считала, что в министерство должны быть переведены только программы отдела образования, и этого будет достаточно²². В результате члены палаты представителей до конца 1978 г. так и не рассмотрели билль.

С открытием 1-й сессии 96-го Конгресса Картер был полон решимости создать в 1979 г. Министерство образования. Двадцать четвёртого января он направил в Конгресс законопроект, разработанный чиновниками администрации – «Закон 1979 г. об организации министерства образования»²³, а 13 февраля обратился к парламентариям с посланием, чтобы продемонстрировать им заинтересованность администрации в билле. Президент уверял, что только масса нерешённых проблем в системе образования заставляют его увеличить степень участия правительства в вопросах просвещения. Картер видел Министерство образования в качестве средства, с по-

²⁰ CR 95th Congr., 2nd sess. 1978. Vol. 124. July 22. № 110. S 11203 – 11204.

²¹ См.: CR 95th Congr., 2nd sess. 1978. Vol. 124. Sept. 28. № 154. S 16485.

²² См.: *Chicago Tribune*. 1978. Oct. 9. P. 4 – 5.

²³ См.: CR 96th Congr., 1st sess. 1979. Vol. 125. Jan. 24. № 6. S 577.

мощью которого рассчитывал преодолеть возникшие трудности. Президент сообщил, что министерство включит в себя 150 программ, ему будет подчинено 16 200 служащих по всей стране. При этом бюджет министерства составит 14 млрд. долларов²⁴.

Большим успехом для предложенного законопроекта стала поддержка 30 авторитетных общественных организаций и профсоюзов. В их число вошли Американская ассоциация администраторов школ, Национальная ассоциация начального образования, Национальная ассоциация среднего образования, Национальная ассоциация советов по образованию штатов и др. Вместе эти организации основали Совместный комитет граждан за создание Министерства образования, который развернул активную лоббистскую деятельность в Конгрессе²⁵.

«Закон 1979 г. об организации Министерства образования» представлял собой несколько сокращённую версию прежнего законопроекта. Только теперь министерство предполагалось организовать на основе программ, включённых в отдел образования. Тем не менее в администрации считали, что министерство должно контролировать и те образовательные программы, которые находились в других министерствах.

Так, из Министерства обороны подлежали переводу образовательные программы и вся система заграничных школ, в которых обучались дети военнослужащих. По существу, этот перевод был самым значимым, так как за пределами США насчитывалось 267 школ, в которых обучались и работали в общей сложности 135 тыс. человек. Из Министерства труда переводились программы, связанные с образованием переселенцев, приехавших в США из других стран. Из Министерства жилищного строительства и городского развития изымались программы ссуд, выдаваемых студентам на оплату проживания в общежитиях колледжей и университетов. Из Министерства юстиции переводились программы, по которым студентам выдавались ссуды на оплату обучения в высших учебных заведениях, а также стипендии для малообеспеченных студентов.

Структурно «Закон 1979 г. об организации Министерства образования» разделил программы, связанные с образованием, на следующие отделы в министерстве:

- 1) Бюро начального и среднего образования. Оно было призвано руководить программами начального и среднего образования.
- 2) Бюро послесреднего образования. Специальный помощник министра по послесреднему образованию отвечал за программы с

²⁴ См.: CR 96th Congr., 1st sess. 1979. Vol. 125. Feb. 19. № 18. S 1540 – 1541.

²⁵ См.: *Ионова Е.П.* Указ. соч. С. 68 – 69.

общим бюджетом 3,6 млрд. долларов. Его работа должна была улучшить функционирование системы послесреднего образования.

3) Бюро профессионального взрослого образования. Это бюро должно было помогать штатам и местным органам власти в реализации их функций по образованию и обучению.

4) Бюро особого образования и реабилитационных служб. Это бюро отвечало за образование детей-инвалидов.

5) Бюро по изучению и улучшению образования. К данному бюро переходили функции Национального института образования и Национального центра статистики образования.

Кандидатуру министра образования выбирал президент, а утверждал сенат. Во главе каждого из бюро стояли чиновники в ранге помощников министра, чьи кандидатуры также определялись президентом и утверждались сенаторами²⁶.

В билле специально оговаривались такие важные вопросы, как федеральный контроль над системой образования и взаимодействие министерства со штатными и местными органами, отвечающими за образование. Было официально закреплено, что «министерству запрещается увеличивать федеральный контроль над образованием. Министерству запрещается проявлять любой контроль за курсами обучения, профессорско-преподавательским персоналом, учебниками»²⁷.

В конце февраля 1979 г. сенатская комиссия по вопросам деятельности правительственных органов во главе с А. Рибикофом приступила к работе. В целом сенаторы были согласны с положениями законопроекта, но внесли некоторые изменения. Было предложено создать два органа, которые смогли бы, с одной стороны, предотвратить возможное расширение федерального контроля, а с другой – сохранить уникальность взаимоотношений Министерства образования, штатных и местных органов власти. Так, Межгосударственный консультативный совет по образованию в составе 20 человек из числа представителей штатных и местных правительств, частного и государственного образования, а также общественности обладал правом пересмотра постановлений министра, если со стороны штатов появлялись жалобы на то, что его приказы посягают на суверенитет местных властей. А Федеральная межгосударственная комиссия по образованию выступала в качестве своеобразного механизма, координирующего взаимоотношения Министерства обра-

²⁶ См.: CR 96th Congr., 1st sess. 1979. Vol. 125. Jan. 24. № 6. S 587.

²⁷ *Congressional Quart. Almanac*. 96th Congr. 1st sess. 1979. Vol. 35. Washington, 1980. P. 466 – 468.

зования с другими министерствами и агентствами, в чьём ведении оставались образовательные программы.

С самого начала было ясно, что идея создания этих органов – шаг навстречу противникам министерства, в первую очередь Американской федерации учителей. Вопрос о кадрах министерства также обсуждался в комиссии Рибикофа. Сенаторы посчитали, что штат служащих необходимо сократить с 450 до 350 человек²⁸.

В таком виде «Закон 1979 г. об организации Министерства образования» был одобрен 14 марта 1979 г. сенатской комиссией по вопросам деятельности правительственных органов. Из 17 членов комиссии только один – республиканец У. Коэн от штата Мэн – голосовал против²⁹.

После этого законопроект был направлен в сенат, где рассматривался в течение 5 дней заседаний, проходивших 5, 9, 19, 26 и 30 апреля. Сенаторы благосклонно смотрели на законопроект и не имели стремления задерживать его. Тридцатого апреля сенат одобрил законопроект (72 голоса «за» и 21 голос «против»). Билль поддержал лидер меньшинства Джейк Бэкер, а также ярые противники создания новой бюрократии – консервативные республиканцы³⁰.

Так законопроект о создании Министерства образования без лишних проблем прошёл сенат. Конгрессмены внесли две поправки, несколько изменив вариант законопроекта, одобренного сенатом. Первая поправка касалась перевода бюро по делам индейцев в Министерство образования. Инициатива исходила от председателя комиссии. Противником перевода выступил республиканец Р. Уолкер, внёсший поправку, согласно которой в Министерство переводилось не само бюро, а только его функции, имеющие отношение к образовательным программам. Поправка Уолкера была принята комиссией, несмотря на сильную оппозицию со стороны индейцев.

Вторая поправка касалась контроля над ростом бюрократии в министерстве. Она стала результатом объединения серии поправок, одновременно предложенных несколькими членами комиссии – демократами Э. Левитасом, Г. Инглишем и республиканцем П. Маккроски. Их коллективная поправка предлагала следующие действия, препятствующие росту чиновничества: Конгресс получил право ежегодно одобрять кандидатуры 50 новых чиновников сверх 350 постоянных. Иными словами, если бы в министерстве захотели

²⁸ См.: *Congressional Quart. Almanac...* P. 466—468.

²⁹ См.: CR 96th Congr., 1st sess. 1979. Vol. 125. March 14. № 43. H 2624.

³⁰ См.: *Congressional Quarterly Almanac...* P. 469.

взять ещё хотя бы одного чиновника, помощники министра обязаны были испросить для этого разрешение парламентариев³¹.

День голосования 2 мая стал маленьким триумфом Картера, так как Комиссия по вопросам деятельности правительственных органов поддержала «Закон 1979 г. об организации Министерства образования» с перевесом всего в 1 голос (20 голосов «за», 19 – «против»). Решающий голос принадлежал республиканцу Хортону³².

Затем 14 мая комиссия Брукса направила законопроект в палату представителей, где позиции противников создания министерства были сильнее, чем в сенате. В течение 5 дней заседаний (7, 11 – 13 и 19 июня) конгрессмены должны были либо одобрить билль, либо отвергнуть и таким образом «похоронить» надежды президента создать в 1980 г. министерство.

Противники министерства, которым не удалось прямо «убить» билль в комиссии Брукса, решили действовать иным путём. Стратегия оппозиции сводилась к тому, чтобы обременить законопроект как можно большим количеством противоречивых поправок, сделав билль неприемлемым для сторонников создания министерства, и в итоге задержать финал голосования. Со своей стороны, приверженцы реформы также предприняли меры, способные защитить билль: 7 июня республиканец Р. Бауман обратился к Комиссии по правилам палаты представителей с предложением увеличить время дебатов по законопроекту. В тот же день его предложение было одобрено³³.

Ведомые республиканцами Р. Уолкером и Дж. Эрленборном, противники законопроекта дополнили его множеством поправок. Эшбрук внёс поправку о басинге. Её суть сводилась к тому, что министру образования запрещалось требовать в качестве условия для получения школами государственной помощи осуществления ими автобусных перевозок школьников в целях десегрегации. Его поправка была одобрена 11 июня. Своим действием Эшбрук вызвал оппозицию сторонников «принудительного басинга».

Противники билля предложили ряд поправок, которые либо добавляли, либо ликвидировали образовательные программы. К примеру, демократ Д. Килди предложил отменить решение комиссии Брукса о включении в билль программ по оказанию помощи в получении образования индейскому населению. Его поправка была одобрена. Республиканец Б. Гудлинг предложил перевести про-

³¹ См.: *Congressional Quarterly Almanac*... P. 27.

³² См.: *Congressional Quarterly Almanac*... P. 170.

³³ См.: *Hill D., Williams Ph. Op. cit.* P. 26.

грамму «Подготовка к старту» в Министерство образования, хотя изначально было понятно, что поправка будет отвергнута.

Часть поправок касалась штата сотрудников будущего Министерства образования и его бюджета. Республиканец Д. Куэйл внёс поправку о том, чтобы штат сотрудников министерства составил 800 человек. Противники поправки настаивали, что существенное уменьшение сотрудников самым негативным образом скажется на работе министерства, но поправка была одобрена. А Р. Уолкер предложил, чтобы все высшие чиновники министерства по профессии были учителями и проработали в школе не менее 2-х лет. Поправку блокировали большинством голосов (28 – «за», 374 – «против»). Республиканец К. Крамер внёс поправку, согласно которой бюджет министерства должен равняться сумме, выделяемой Конгрессом на образовательные программы. Поправка Крамера была отвергнута с разницей в три голоса (184 – «за», 187 – «против»).

В такой атмосфере проходило обсуждение законопроекта в палате представителей. Стратегия, избранная противниками билля, приносила плоды, и всё шло к тому, что «Закон 1979 г. об организации Министерства образования» будет «провален». Поэтому сторонники создания министерства решили предпринять усилия, применив известные парламентские уловки, чтобы не дать оппонентам возможности достигнуть своих целей³⁴.

По правилам Конгресса США билль, который прошёл сначала сенат, а затем палату представителей, где был обременён противоречивыми поправками, не устраивающими сенат, направлялся на дополнительное рассмотрение в согласительную комиссию, в которую входили влиятельные председатели комиссий обеих палат парламента. После этого палата представителей всегда первой получала отчёт согласительной комиссии, и если результаты не устраивали конгрессменов, они могли смело голосовать «против» и направлять билль на вторичное рассмотрение в Комиссию по вопросам деятельности правительственных органов. А это означало, что законопроект уже не сможет вернуться в палату представителей. Чтобы не допустить такого сценария, сторонники билля во главе с Бруксом предложили палате представителей изменить порядок и предоставить сенату первым получить отчёт согласительной комиссии, лишив тем самым конгрессменов возможности помешать прохождению законопроекта. Предложение Брукса было поддер-

³⁴ См.: *Congressional Quarterly Almanac*... P. 471.

жано благодаря партийной дисциплине, продемонстрированной демократами³⁵.

Как и следовало ожидать, в результате затянувшихся дебатов по многочисленным поправкам палата представителей не смогла рассмотреть законопроект в отведённый для этого срок, и была вынуждена отложить его до 4 июля, сделав перерыв в заседаниях, использованный сторонниками и противниками законопроекта по-разному. Противники считали, что достигли своего, и билль не будет одобрен палатой представителей, тогда как сторонники проводили время в консультациях и старались укрепить коалицию, состоящую из либералов и представителей национальных меньшинств. Участники коалиции согласились поддержать законопроект при условии, что в согласительной комиссии будут ликвидированы «неудобные» поправки по басингу.

В результате дополнительной недели обсуждения билля, с 4 по 11 июня, законопроект, предложенный президентом, был одобрен с разницей в 4 голоса (210 «за», 206 – «против») ³⁶. После этого варианты билля по созданию Министерства образования, предложенные палатой представителей и сенатом, были направлены на рассмотрение в согласительную комиссию.

Голосование членов согласительной комиссии по спорным поправкам состоялось 13 сентября. Не без участия Брукса была ликвидирована поправка Эшбрука о басинге. Теперь министр образования мог требовать, чтобы местные власти либо сами организовывали автобусные перевозки школьников, либо предоставляли взамен этого денежные средства школьным округам. Также были приняты другие важные решения: зафиксировано, что программа «Подготовка к старту» останется в ведении Министерства здравоохранения и социального обеспечения; учащиеся получили право молиться в стенах школы; штат министерства был сокращён с 800 до 500 человек³⁷. В результате 21 сентября согласительная комиссия составила отчёт и направила в сенат. 24 сентября сенаторы одобрили отчёт (69 голосов «за», 22 – «против») и переправили его в палату представителей. Наконец, 27 сентября конгрессмены приступили к обсуждению, и в результате упорной борьбы сторонникам создания министерства удалось добиться «прохождения» законопроекта с минимальным перевесом в 14 голосов. Итог голосова-

³⁵ См.: CR 96th Congr., 1st sess. 1979. Vol. 125. Aug. 1. № 108. S 11269 – 11277.

³⁶ См.: CR 96th Congr., 1st sess. 1979. Vol. 125. Sept. 27. № 127. H 8595.

³⁷ См.: *Congressional Quarterly Almanac*... P. 473.

ния 215 «за», 201 – «против»³⁸. Семнадцатого октября 1979 г. Дж. Картер в торжественной обстановке подписал законопроект³⁹.

В ноябре президент предложил сенату кандидатуру члена апелляционного суда штата Калифорния Ширли Хафстедлер на пост министра образования. Сенаторы обсуждали её номинацию 30 ноября. Кандидатура Хафстедлер вызывала оппозицию, поскольку, во-первых, она не обладала опытом в управлении системой образования и, во-вторых, не являлась частью политического истеблишмента страны. Естественно, подобное положение вещей не устаивало сенаторов, тем более что на посту министра образования им хотелось бы видеть политика масштаба Дж. Калифано.

Тем не менее слушания по кандидатуре Ш. Хафстедлер показали, что она вполне свободно ориентировалась в проблемах и специфике американского образования: «Сила нашей системы образования в приоритете штатов и местных правительств в этой области. А главная обязанность федерального правительства – требовать высокого качества образования на всех уровнях». Во многом именно это высказывание определило успех Хафстедлер в сенате: «за» проголосовали 82 сенатора, 2 – «против». Так Ширли Хафстедлер стала первым в истории США министром образования и 6 декабря 1979 г. приступила к исполнению своих обязанностей⁴⁰.

Согласно законодательству, новое министерство начало функционировать спустя 6 месяцев от даты вступления в должность министра образования, то есть 6 июня 1980 г. А 28 июля 1980 г. Дж. Картер назначил на должности 20 членов Межгосударственного консультативного совета по образованию и таким образом Министерство образования начало работать в полную силу⁴¹.

Итак, намерение президента Джимми Картера организовать самостоятельное Министерство образования соответствовало насущной потребности. Трудности, которые переживала система американского образования, во многом можно было преодолеть путём создания специального органа. Заслуга Картера состояла в том, что ему удалось сломить сопротивление Конгресса по этому вопросу и добиться организации Министерства образования. Тем не менее министерство, начавшее функционировать в июне 1980 г., кардинально отличалось от того образа, который сложился у президента в период президентской кампании. В идеале он планировал консо-

³⁸ См.: CR 96th Congr., 1st sess. 1979. Vol. 125. Sept. 27. № 127. H 8596.

³⁹ См.: *Congressional Quarterly Almanac*... P. 27.

⁴⁰ См.: *Ионова Е.П.* Указ. соч. С. 70.

⁴¹ См.: *Public Papers of the Presidents: Jimmy Carter (1980 – 81): In 3 b. B. 2.* Washington, 1982. P. 1432 – 1433.

лидировать все образовательные программы в единое министерство, переориентировав функции образования и вопросы финансирования от штатных и местных органов власти на федеральный уровень. Но противникам создания министерства в Конгрессе удалось выхолостить суть этого мероприятия.

Создание министерства отвечало стремлению Дж. Картера провести централизацию правительственных органов. Другое дело, что ему не удалось настоять на своей точке зрения в период обсуждения законопроектов по созданию министерства. Слишком сильны были стереотипы, сложившиеся у американской общественности. Консервативные республиканцы ожидали малейших знаков, свидетельствующих о нарушении федеральным правительством прав штатных и местных органов власти в области образования. Либеральные демократы были недовольны внесением в билль серии дополнительных поправок консервативной направленности о басинге и школьной молитве. Этим политиков беспокоило, что посредством министерства образовательные программы будут в результате отдалены от программ социального обеспечения и не смогут в едином комплексе помогать нуждающимся.

Несмотря на это, Министерство образования позволило администрации нести ответственность за осуществление образовательной политики перед общественностью, президентом, Конгрессом. Оно смогло повысить политическую роль и значение просвещения, а прямое подчинение президенту усилило не только авторитет этого органа, но и функции президентской власти в осуществлении национальной политики в сфере образования.

Однако в целом создание Министерства образования носило скорее структурный характер. Министерство улучшило функционирование образовательных программ, их координацию, сократило нерациональные расходы государственных средств, ликвидировало лишние должности и параллелизм в работе. Но, организовав отдельное министерство, президент Дж. Картер не избавился от раздробленности американской системы просвещения. Напротив, отныне она была законодательно закреплена, и местные органы власти продолжили играть ведущую роль при осуществлении политики образования.

Тишакова Елена Николаевна – ассистент кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта (Калининград).

О.Н. Косенков

**Возвращение в пройденное:
организация начальной военной подготовки
в школах Калининградской области
в конце 60-х – начале 70-х годов XX в.**

В первые послевоенные годы в стране наметился курс на сокращение и изменение характера военной и допризывной подготовки как предмета обучения в учебных заведениях. В конце лета 1946 г. было принято постановление Совета министров СССР «Об отмене военной подготовки учащихся юношей и девушек V-VII классов, девушек VIII-X классов и об изменении программ допризывной военной подготовки учащихся VIII-X классов». С 1 сентября 1946 г. вводились новые программы в объёме двух часов в неделю (198 часов за весь период обучения). Кроме того, предусматривалось проведение 20-дневного лагерного сбора в летние каникулы учащихся 9-х классов (17 учебных дней по 6 часов в день, всего 102 часа)¹.

В течение последующих полутора десятков лет шло постепенное сокращение роли военной подготовки. Наконец, в феврале 1962 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР, который отменял с 1962/63 учебного года допризывную военную подготовку учащихся средних школ и средних специальных учебных заведений².

Начальная военная сменилась факультативным обучением, созданием в школах первичных организаций ДОСААФ, а впоследствии и организацией учебных пунктов по подготовке призывной и допризывной молодежи³. Эти формы обучения позволяли старшеклассникам заниматься не только военно-политической подготовкой, изучением стрелкового оружия, но и изучать подводное дело и радиотехнику, осваивать вождение автомобилей, мотоциклов, электромашин и другой техники.

Особая роль в организации такой подготовки молодежи принадлежала первичным организациям ДОСААФ. Их деятельность

¹ См.: *Учительская* газета. 1946. 31 авг.; *Народное образование в СССР. Общеобразовательные школы / Сб. док. 1917-1973 гг. М., 1974. С. 184.*

² См.: *Правда*. 1962. 25 апр.

³ См.: *Государственный архив Калининградской области (ГАКО). Ф. 313. Оп. 1. Д. 269. Л. 21.*

была направлена не только на практическое освоение учащимися уроков патриотизма и идейно-политическое воспитание школьников, но и на создание в школах музеев, комнат боевой славы и военно-патриотических библиотек, организацию ухода за памятниками погибших в годы Великой Отечественной войны. Проводилась подготовка по военно-техническим и прикладным видам спорта, устраивались спартакиады и соревнования, а также знакомство с воинскими уставами, овладение навыками строевой и стрелковой подготовки, освоение одной из технических специальностей⁴.

Комсомольские организации, в свою очередь, уделяли особое внимание военно-спортивным лагерям. В Калининграде было пять таких лагерей на 100—130 человек. Сюда направлялись в основном подростки, имевшие отклонения от норм поведения, состоявшие на учете в детской комнате милиции. Особое внимание в этих лагерях уделялось физическому развитию: закаливанию и укреплению детского организма, формированию стойкости, выносливости⁵.

Двенадцатого октября 1967 г. был принят новый Закон о всеобщей воинской обязанности⁶. Одним из основных его положений стало сокращение срока службы в Вооруженных силах (вместо 3—4-летней срочной службы вводился 2—3-летний срок). Компенсирующей мерой такого сокращения стало введение в старших классах школ (начиная с 9-го) начальной военной подготовки. Ст. 17 Закона гласила, что «до призыва на действительную военную службу с юношами допризывного и призывного возрастов повсеместно без отрыва от производства и учебы проводится начальная военная подготовка». В постановлении Совета министров РСФСР от 31 мая 1968 г. отмечалось, что в Калининградской области новый предмет будет введен в 114 школах, но поэтапно: в 1968—1970 гг. — в 20, в 1971—1972 гг. — в 94⁷.

Столь растянутая по времени программа освоения школами нового предмета обучения была связана с большими финансовыми затратами, необходимыми для материального обеспечения занятий. Введение курса начальной военной подготовки требовало создания специальных кабинетов, комнат хранения оружия, стрелковых тиров, полосы препятствий, караульных городков, тактических городков, комплексов по гражданской обороне, кабинетов по медицинской подготовке.

⁴ См.: ГАКО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 275. Л. 28.

⁵ См.: Там же. Д. 304. Л. 14, 21.

⁶ См.: *Ведомости ВС СССР*. 1980. № 52. С. 1121.

⁷ См.: *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)*. Ф. 259. Оп. 45. Д. 7532. Л. 10, 11 об.

Всё содержание комплекса начальной военной подготовки обходилось Российской Федерации в 500 млн рублей в год⁸. Соответствующие затраты на введение нового предмета обучения должна была понести и Калининградская область. Между тем дополнительного финансирования облисполкомам не выделялось. Совмин республики в своём постановлении подчеркивал необходимость «расходы на начальную военную подготовку в 1968 г. осуществлять в пределах ассигнований, выделенных на 1968 г.»⁹.

Введение начальной военной подготовки даже в пяти школах области было солидной нагрузкой на областной бюджет. Руководство области приняло решение обратиться за помощью к Балтийскому флоту и 11-й гвардейской армии с просьбой выделить для оборудования военных кабинетов в школах необходимые учебные пособия, учебное оружие, методическую литературу и оказать помощь органам народного образования, военкоматам и организациям ДОСААФ в проведении учебно-методических сборов и инструкторско-методических занятий с руководителями начальной военной подготовки. Расходы на оборудование военных кабинетов составляли от 500 до 1000 рублей в год¹⁰.

Городские и районные отделы народного образования совместно с военкоматами получили задание выявить юношей, не имеющих восьмилетнего образования, и организовать их учёбу в вечерних школах. Однако в 1975 г. в школах рабочей молодежи в Балтийском районе продолжали учёбу лишь 23,8 % от числа молодежи, имеющей образование 7 и ниже классов, приписанных к призывным участкам. В Октябрьском районе этот показатель составлял 35 %, в Ленинградском – 48,8 %. Ежегодно направлялось в армию более 3 % призывников с образованием ниже 8 классов¹¹.

В 1972/73 учебном году во всех школах области завершился процесс восстановления преподавания начальной военной подготовки. В школьной программе на этот предмет отводилось 2 часа в неделю, всего 140 часов на протяжении двух лет учёбы. Кроме того, ежегодно проводились лагерные сборы допризывников. Как правило, в каждой школе работал один преподаватель этого предмета¹².

⁸ См.: Днепрова Э.Д. Современная школьная реформа в России. М., 1998. С. 376.

⁹ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 45. Д. 7532. Л. 10 об.

¹⁰ ГАКО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 293. Л. 21; Д. 361. Л. 18.

¹¹ Там же. Д. 293. Л. 23; Д. 489. Л. 194.

¹² См.: ГАКО. Ф. 462. Оп. 3. Д. 803. Л. 9; Днепрова Э.Д.. Указ. соч. С. 376.

Формы повышения квалификации были следующими: кустовые семинары с проведением открытых уроков, ежегодные одно-трёхдневные учебно-методические семинары для военруков, обмен опытом преподавания. Институт усовершенствования учителей и областная школьная фильмотека организовали курсы кинодемонстраторов (30-часовая программа). Решением облисполкома № 81 от 3 апреля 1972 г. был создан областной методический совет под председательством военного комиссара области и аналогичные советы в районах и городах области¹³. Относительно легко решили проблему преподавательских кадров за счёт офицеров, уволившихся в запас: из 62 принятых на работу военруков офицерами являлись 46 человек, остальные – сержанты и рядовые запаса. Около 40 % имели опыт педагогической работы. Военруки проходили месячные курсы при Калининградском высшем военно-инженерном училище¹⁴.

Сложнее решались вопросы с учебно-материальной базой. Школам трудно было построить стрелковый тир, оборудовать полосу препятствий и т. д. Приходилось пользоваться базами других учреждений. Например, учащиеся школ Октябрьского района занимались в тире школы № 14, школы Московского и Центрального районов пользовались районными тирами, остальные школы – тирами предприятий и воинских частей¹⁵.

Таким образом, процесс восстановления преподавания начальной военной подготовки в школах, прерванный в 1962 г., был завершен, при этом сохранились все факультативные формы допризывной подготовки, которые даже получили дополнительный импульс для развития. Был принят современный комплекс «Готов к труду и обороне СССР», структурированы военно-спортивные игры «Орленок» и «Зарница», более частыми стали различные конкурсы и смотры строя и песни, стрелковые соревнования. Появились и новые формы военно-патриотического воспитания. Например, совместно с воинскими частями комитетами ДОСААФ стали проводиться смотры оборонно-массовой работы, недели пропаганды видов и родов войск Вооруженных сил СССР, активизировалось шефство воинских частей над школами. С течением времени произошло улучшение показателей обучения школьной молодежи. В частности, проверки облоно показали, что знания и навыки по этому предмету в школах Ленинградского района являются в ос-

¹³ См.: ГАКО. Ф. 462. Оп. 3. Д. 803. Л. 8—9.

¹⁴ См.: Там же. Л. 7.

¹⁵ См.: ГАКО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 383. Л. 23.

новном отличными (60 %) и хорошими (30 %) ¹⁶. Коллегия облоно в своем постановлении № 7 от 19 апреля 1979 г. отмечала, что обучение школьников проводится «в соответствии с программой начальной военной подготовки», создана «вполне удовлетворительная учебно-материальная база», военруки получают «действенную методическую помощь», активно осуществляется военно-патриотическая работа ¹⁷.

Косенков Олег Николаевич – соискатель кафедры истории Балтийского региона РГУ им. И. Канта, директор школы № 20 (Калининград).

¹⁶ ГАКО. Ф. 313. Оп. 1. Д. 431. Л. 32-33, 39.

¹⁷ Там же. Оп. 4. Д. 46. Л. 41-42.

Раздел 2

ЗАПАД. XVIII – XIX ВЕКА

М.В. Голованов

Политика Фридриха II по интеграции Восточной и Западной Пруссии в 1772 — 1786 гг.

Сразу после присоединения в результате первого раздела Польши (в 1772 г.) Западной Пруссии и Эрмланд (Вармии) Фридрих II написал Вольтеру: «Что касается до польских областей, их нельзя сравнивать ни с одним европейским государством. Это настоящая Канада (имелись в виду племена ирокезов. – *М.Г.*). Много потребно времени и работы, чтобы восстановить в ней порядок»¹. Ещё в 1771 г. он составил «Принципы реформирования в Королевской Пруссии», в которых предлагал преобразования административно-территориального устройства, а также систем управления, судопроизводства, законодательства и налогообложения, определял принципы национальной, сословной и религиозной политики, а также изменения системы образования.

Первым важным преобразованием в *политической сфере* стала реформа административно-территориального устройства: епископство Эрмланд вошло в состав Восточной Пруссии; Мариенбург и Кульм, Померания, а также район Нетце образовали новую провинцию в составе королевства Пруссия – Западную Пруссию. Указом короля 11 ноября 1772 г. для Восточной Пруссии было сформировано новое правительство, чьим верховным президентом стал Иоганн Фридрих фон Домхардт (1712 — 1781). Провинциальное правительство было разделено на несколько инстанций, среди которых центральное место занимали военные советы в Гумбиннене и Кёнигсберге, а также ландраты – по одному в Кёнигсберге, Гумбиннене, Мариенбурге, и два в Эрмланде. Были образованы так

¹ *Переписка* Фридриха Великого короля прусского с господином Вольтером с 1736 по 1778 г. СПб., 1816. Ч. 3. С. 114.

называемые управляющие советы, в компетенцию которых входило регулирование всех вопросов, связанных с государственным имуществом. Таковых было три – в Мариенвердере, Кёнигсберге и Эрмланде. Важное значение имели Палата юстиции и Палата казначейства в Мариенвердере, которой подчинялись счётные палаты в Кёнигсберге, Гумбиннене и некоторых других городах Восточной Пруссии. Наконец, 3 декабря 1781 г. Фридрих подписал так называемый Основной закон для Западной и Восточной Пруссии, по которому вводилось новое административно-территориальное деление: в Восточной Пруссии выделялись три округа с центрами в Кёнигсберге, Инстербурге и Мариенвердере; в Западной Пруссии – дистрикт Нетце с центром в Бромберге².

Преобразования в *экономической сфере* касались прежде всего повышения налогов. Эльбинг, Мариенбург, Грауденц, Кульм и Бромберг, получающие основной доход от торговли, обязаны были платить специальный акциз. Держатели земли и ремесленники должны были отдавать здесь в государственную казну не менее половины своих доходов. Для этих же слоёв населения Восточной Пруссии цифра оставалась прежней, установленной сразу после завершения Семилетней войны. Для прочих налогоплательщиков сумма выплат составляла 20 % от дохода — для евангелистов и 25 % – для католиков. В этом проявился и определённый элемент национальной политики Фридриха II, направленной на дискриминацию польских католиков в Вармии и Западной Пруссии. Ежегодный сбор налогов в Вармии возрос почти в 2,5 раза, она выплачивала в польскую казну 19 тыс. талеров, а Фридрих II довёл налоговые поступления от этой земли до 45 тыс. талеров. В целом поступления в казну от обеих провинций к середине 1780-х гг. составили два млн талеров в год³.

Особое значение Фридрих II придавал изменению *системы образования* на новых территориях. С 1773 г. в эти районы из Верхней Силезии и Восточной Пруссии было направлено 150 учителей-протестантов. Открытой дискриминации поляков не наблюдалось, формально в созданных 180 евангелических школах разре-

² См.: *Reglement wegen künstiger Einrichtung des Justitz-Wesens bey den Ober-und Unter-Gerichten des Königreichs Preußen*. De Dato Berlin, den 3ten December 1781 // *Preußische Gesetze*. Weltung Siger Ordnung Dreyen Städte. Königsberg, 1715. S. 23—32.

³ См.: *An den Oberpräsident von Domhardt*. Potsdam 1772, November 11 // *Bär M. Westpreussen unter Friedrich der Grossen*. Leipzig, 1909. Bd. 2. S. 186-187; *Warmia i Mazury*. Zarys dziejów. Olsztyn, 1985. S. 344.

шалось вести преподавание на польском языке. Однако на работу в существующие католические школы не принимались преподаватели, не владевшие немецким языком⁴.

Национальная и религиозная политика Фридриха II имела явно антипольский характер. Помимо секуляризации земель, принадлежавших римско-католической церкви, прусская монархия открыто провозгласила курс на ограничение прав костёла и приверженцев католического вероисповедания, каковыми являлись по преимуществу поляки. В рамках этого курса, например, для католической шляхты были установлены в два раза более высокие нормы уплаты контрибуции по сравнению с дворянами-евангелистами, что в конечном итоге привело к распродаже поляками-землевладельцами значительной части своих владений⁵.

В течение короткого времени на вновь присоединённых землях произошла почти полная смена местной бюрократии. Из органов управления, судов были удалены не только поляки-католики, но и существенно сократилась численность местных жителей, которых всё больше заменяли прибывавшие в большом количестве чиновники из Берлина и центральных провинций страны. В этом плане показателен факт, что уже к концу 1772 г. из 72 служащих Палаты военного и государственного имущества Квидзына в Западной Пруссии только один человек, да и тот – переводчик с польского языка, являлся местным жителем⁶.

Сразу после раздела Польши Фридрих II начал предпринимать действия, направленные на создание единой инфраструктуры Западной и Восточной Пруссии с целью их интеграции в составе королевства. На эти цели из Берлина поступило 70 000 талеров. Началась прокладка основного почтового пути из Берлина в Кёнигсберг. Вторая по важности почтовая дорога объединила восточную провинцию с Померанией, центром которой стал г. Диршау. Первого октября 1772 г. в самых крупных населённых пунктах

⁴ См.: *Carlyle T. History Friedrich II. of Prussia, called Frederick the Great. L., 1855. Vol. 6. P. 512-513; Chłosta J. Słownik Warmii. Olsztyn, 2002. S. 110.*

⁵ См.: *Chłosta J. Op. cit. S. 92, 152.*

⁶ См.: *Bömelburg H.-J. Przemiany mentalności elit stanowych w Prusach Królewskich – Prusach Zachodnich (1772-1806) // Ziemia Północne Rzeczypospolitej Polsko-Litewskiej w dobie rozbiorowej 1772-1815. Warszawa; Toruń, 1996. S. 15.*

Западной и Восточной Пруссии открылись обновлённые почтовые отделения, оборудованные почтовыми повозками⁷.

Особую заботу Фридрих II проявил о развитии торговли, при этом приоритет отдавался положению дел в Восточной Пруссии. Согласно его распоряжению от 8 августа 1773 г. пониженными пошлинами облагались товары, прибывшие в западнопруссские порты из Кёнигсберга и Пиллау. Местные товары, которые на торговых кораблях направлялись по Висле в Данциг, а оттуда в Балтийское море, облагались более высокой пошлиной и приносили значительный доход в казну. Кроме того, грузы, следующие из Восточной Пруссии в Западную, отправлялись в дальнейшем не только по морю в другие балтийские государства, но и по рекам и каналам в Силезию, Бранденбург и иные районы страны⁸.

Фридрих II придавал исключительно важное значение развитию судоходства по рекам новоприобретенных земель, считая необходимым создание единой транспортной сети путём строительства системы каналов. Центральное место в этих планах занимал канал, который должен был стать мостом между центром и востоком монархии. Его строительство началось в 1772 г. и продолжалось 16 месяцев. В прокладке канала принимало участие 6 тыс. рабочих. В июне 1773 г., когда король вновь посетил район Нетце, он с восторгом увидел на действующем канале первый груженный товарами корабль. В результате масштабных усилий план Фридриха осуществился, и была создана следующая судоходная речная сеть: из Силезии по Одере в центр страны, где на границе Курмарка и Ноймарка Одер впадал в реку Нетце, оттуда в Западную Пруссию, где в районе города Бромберга искусственный речной канал и соединил реку Нетце с Вислой, которая, в свою очередь, доходила до Мариенвердера, а следовательно, соединяла Западную Пруссию с Восточной⁹.

Большое значение Фридрих II придавал устройству ярмарок, лично определив места для их проведения – прусские пригороды

⁷ См.: *Stephan H.* Geschichte der preußische Post. Berlin, 1880. S. 216; *Runis J.K.* Deconomisch Ezyklopädi oder allgemeines System der Staats-Stadt-Haus und Landwirtschaft. Brunn, 1796. S. 3-18.

⁸ См.: *Preuß J.D.N.* Urkundenbuch zu der bentsgeschichte Friedrich's des Grossen. Berlin, 1834. Bd. 5. S. 209-215.

⁹ См.: *Millack W.* Friedrich der Große und Westpreußen // Der Kampf um die Weichsel. Untersuchungen zur Geschichte des polnischen Korridors. Unter Mitw. von W. Geisler u. a. / Hrsg. E. Kenser. Berlin; Leipzig, 1926. S. 123; *Bär M.* Op. cit. Bd. 2. S. 16.

Данцига. Когда в 1775 г. там состоялась первая ярмарка, доход от продаж составил 84 тыс. талеров. «Это очень хорошо для начала, – отвечал Фридрих II на сообщения Мариенвердерской палаты о первом крупном торговом опыте прусских ярмарок, – но мы должны стремиться к тому, чтобы за три года довести их доход до 250 тысяч талеров». Король не сомневался, что дела в будущем пойдут ещё лучше, и 29 мая 1776 г. направил провинциальным чиновникам инструкции о необходимости заблаговременно и очень тщательно принимать все меры по организации ежегодных ярмарок¹⁰.

Ярким свидетельством того, что проведённые Фридрихом реформы способствовали развитию бывшего прусского эксклава, является следующий факт: начиная с 1784 г. из порта Пиллау ежегодно выходили 1964 корабля, в то время как до начала 1750-х гг. – всего около 600¹¹. Знаменательным также оказалось учреждение в 1783 г. Екатериной II постоянного русского консульства в Кёнигсберге. Открытие этого представительства президент российской Коммерц-коллегии граф А.Р. Воронцов обосновал значительно возросшим оборотом русской внешней торговли, приходящейся на порты Кёнигсберга и Мемеля. В особенности его беспокоило то, что Кёнигсберг превратился в главного соперника российского порта Риги и «купечеству последнего делает иногда порывы и нередко портит самые его спекуляции»¹².

Несмотря на внушительные успехи в развитии хозяйства восточных провинций, сословия Восточной Пруссии были недовольны размерами получаемой из Берлина помощи. Некоторое пренебрежение интересами жителей Восточной Пруссии со стороны короля появилось сразу после Семилетней войны, когда он стал выделять этой земле меньше денежных средств, нежели другим провинциям.

Летом 1780 г. правительство Восточной Пруссии отправило в Берлин просьбу о предоставлении кредита, однако 15 октября

¹⁰ См.: *Preuß J.D.N.* Op. cit. Bd. 4. S. 37, 191.

¹¹ См.: *Ueber enige Friedrich dem Großen in Bezug auf die Provinz Preußen gemachte Beschuldigungen.* Von Geheimen Archivar Faber // *Preussische Provinzial – Blätter / Hrsg. von dem Vereine zur Rettung verwaflroseter Kinder zu Königsberg, zum Besten der Anstalt.* Königsberg, 1831. Bd. 6. S. 303.

¹² Цит. по: *Костяшов Ю.В.* Первый русский консул в Кёнигсберге // *Новая и Новейшая история.* 2002. № 1. С. 219-223.

1780 г. из Потсдама последовал отказ¹³. Двадцать седьмого июня 1781 г. представители восточнопруссских дворянских родов снова направили просьбу королю о выделении на их нужды дополнительных средств, как это было сделано, например, для Силезии, Померании и Ноймарка. В ответе из королевской резиденции от 6 июля 1781 г. сообщалось: «...я не усматриваю морозы и засуху, о которых вы сообщали 27 числа прошлого месяца, видимой причиной на увеличение расходов для вашей земли. Что же касается причины такого отношения к вам, то я хочу напомнить о 1756 годе (имелись в виду Семилетняя война и присяга восточнопруссских сословий русской императрице. – М.Г.); вы не проявили никакой любви к своей стране, следовательно, не можете предъявлять мне никаких требований, как, например, сословия Померании, которые в годы войны всемерно заботились не только о своей земле, но и всём Отечестве»¹⁴.

Семнадцатого июля 1781 г. Фридриху II было отправлено официальное послание, которое подписали главы всех дворянских фамилий Восточной Пруссии. Они просили у короля прощения за свои «порочные действия» в годы Семилетней войны. Не дождавшись ответа, такое же послание было отослано в Потсдам 22 июля 1781 г. Престарелый монарх оказался непреклонным. Он не только не простил восточнопруссские сословия, но и в своем послании от 13 ноября 1781 г. пригрозил лишить некоторые дворянские фамилии права передавать титул по наследству, а также отстранить их от всех официальных должностей в провинции. После такого ответа из Кёнигсберга в Потсдам одна за другой посыпались мольбы о прощении. Письма от 2 декабря 1781 г. и от 21 января 1782 г. остались без ответа. Тогда в начале июля 1783 г. в Берлин была отправлена официальная делегация в составе представителей от дворянства и депутатов ландтага. Фридрих II не принял их, но от его имени им вручили официальное послание. Оно не содержало разъяснений отношения короля к сословиям Восточной Пруссии, выраженного 13 ноября прошлого года, но пестрело упреками: «Вы просите прощение, а намекаете на деньги. Научитесь быть хорошими хозяевами и не унижайте себя»¹⁵.

¹³ Müller R. Friedrich der Grosse und Ostpreussen in des letzten Jahren // *Altpreussische Monatsschrift neue Folge* / Hrsg. von R. Reicke und E. Wichert. Königsberg in Pr., 1876. Bd. 13. S. 643.

¹⁴ Цит. по: Müller R. Op. cit. S. 645.

¹⁵ Цит. по: Ibid. S. 647-649.

Впрочем, незадолго до смерти король все-таки несколько смягчился и приказал выделить дополнительные средства для Восточной Пруссии с подробной инструкцией о том, на какие нужды их необходимо расходовать, а именно: на продолжение строительства Йоханисбургского канала с целью его продления до Западной Пруссии для обеспечения сплава древесины из мазурских лесов и на расширение добычи янтаря¹⁶.

Плоды трудов умершего в ночь с 15 на 16 августа 1786 г. монарха, особенно в сфере внешней политики, выглядели весьма внушительно. Путём раздела Польши Фридрих II «округлил» прусские земли, поправил уязвимое в военном плане положение Восточной Пруссии. Благодаря созданию линий обороны и увеличению численности военного контингента он обезопасил Бранденбург от неожиданного вторжения с востока.

В ходе осуществленных преобразований Фридрих II фактически объединил Восточную Пруссию с Западной посредством создания единых путей сообщения и связи, которые далее соединяли эти две части королевства с Бранденбургом. Фридрих II способствовал и развитию торговых связей восточной провинции с другими регионами страны, прежде всего центральными; были созданы благоприятные условия для роста поставок на рынки сбыта в Западной Пруссии восточнопрусских товаров, до 1772 г. облагавшихся значительными пошлинами. Воссоединившись с остальной территорией государства, получив новые стимулы для хозяйственного роста и расширения торговли, самая восточная прусская провинция обрела перспективу более динамичного и гармоничного развития в будущем.

Голованов Максим Владимирович – ассистент кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта (Калининград).

¹⁶ *Baren O.V.* Der Zorn Friedrichs des Grossen über Ostpreussen // *Altpreussische Monatsschrift neue Folge* / Hrsg. von R. Reicke und E. Wichert. Königsberg in Pr., 1885. Bd. 22. S. 55.

Е.А. Мочалова

Уильям Питт-младший и Чарльз Джеймс Фокс в отечественной историографии

Конец XVIII – начало XIX века – это весьма бурный и насыщенный событиями этап мировой истории: время промышленной революции в Англии, буржуазной революции во Франции, эпоха революционных, а затем наполеоновских войн. Одной из ведущих стран этого периода была Англия. Ключевыми фигурами в английской политике того времени являлись британский премьер-министр Уильям Питт-мл. и лидер оппозиции Чарльз Джеймс Фокс.

Внимание к этим двум персоналиям в отечественной историографии распределено довольно неравномерно: если о Питте-мл. сказано немного, то о Фоксе и того меньше.

Среди первых историков, которые обращались к деятельности этих британских государственных деятелей, следует отметить Николая Ивановича Кареева. В своем труде «История Западной Европы в Новое время»¹ он неоднократно касался деятельности Питта-мл. и Фокса, главным образом в связи с попыткой реформирования парламента. Цель билля Питта 1785 года он определяет как стремление «положить конец печальному состоянию общественной нравственности и дурной организации избирательного права»².

По мнению автора, хотя Питта-мл. и привела к власти воля короля, но от предыдущего министерства ему досталась система кабинетного правления, введенная вигами. С момента прихода Питта во власть начинается период господства тори, длившийся тридцать лет. Столь долгому периоду преобладания одной партии благоприятствовали болезнь короля и Французская революция, заставившая большинство стать на охранительные позиции³. «Сам Питт, – пишет Кареев, – до революции говорил об управлении страной в духе внутренней свободы и даже предлагал парламентскую реформу, чтобы сломить вигскую олигархию, но увлекся идеей борьбы с французской революцией и не только счел нужным ввести внутри страны систему репрессивных мер, но сделался врагом парламентской реформы, которая была им же предложена»⁴.

¹ Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Т. 4. СПб., 1913.

² См. там же. С. 443.

³ См. там же. С. 446.

⁴ Там же.

Раскол среди вигов, по мнению автора, также был обусловлен их отношением к революции. Меньшинство во главе с Фоксом относилось к ней сочувственно, отождествляя ее дело с делом свободы и просвещения в самой Англии. Большинство встало на сторону Питта, поддерживая его и в войне с революцией, и во внутренней политике, принявшей реакционный характер. Этот момент Кареев считает определяющим для перерождения партийной идеологии: партия вигов стала партией реформы, а тори из защитников привилегий короны превратились в партию охраны существующего порядка.

Таким образом, уже в этом труде прослеживаются основные тенденции, концептуально определившие оценку двух политиков. Деятельность Питта подразделяется на два этапа – либеральный и реакционный, рубежом для которых стала Французская революция. Для первого этапа была характерна направленность на внутреннюю политику, для второго – на внешнюю. Фокс представляется деятелем либерального толка, выступавшим против репрессивной политики правительства, что иллюстрируется его речами, произнесенными по поводу принятия законов об охране короля, о свободе слова, митингов, собраний, протестом против приостановления действия Habeas Corpus и близостью к обществам движения за реформу.

Основным источником для Н.И. Кареева являлась «Парламентская история Англии», изданная в 1815 году, где подробно изложены все законопроекты и дебаты по их принятию.

Также в дореволюционной историографии следует отметить соответствующие статьи Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона⁵, дающие подробную биографическую справку с элементами анализа политической деятельности Питта-мл. и Ч. Фокса. Статьи написаны весьма подробно, изобилуют множеством деталей, что лишает их сухого и сжатого характера, присущего энциклопедиям советского периода. Сам объем статей свидетельствует о глубине изучения данных персоналий и степени интереса к ним.

Во многих своих трудах рассматривал деятельность У. Питта-мл. и Ч. Фокса Евгений Викторович Тарле. Одной из наиболее интересных является его статья «Французская революция и Англия»⁶, написанная в 1941 году, в которой автор подробно рассматривает взгляды различных политических групп на это событие. Так, реакцию либеральных вигов во главе с Фоксом он называет вос-

⁵ Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. СПб., 1890. Т. 46. С. 744 — 746; Т. 71. С. 203 — 205.

⁶ Тарле Е.В. Французская революция и Англия // Тарле Е.В. Собр. соч. М., 1959. Т. 7.

торженной, а позицию премьер-министра оценивает как сдержанную в начале революции и откровенно враждебную в дальнейшем. Причем поворотным событием для начала реакции в Англии Е.В. Тарле считает низвержение монархии во Франции 10 августа 1792 года. Объявление войны 1 февраля 1793 года, по мнению академика Тарле, привело к расколу в стане вигов, и это «окончательно сделало партию тори правительственной партией по преимуществу» и привело к дальнейшему усилению реакции⁷.

В другом сочинении академика Тарле – «Очерки истории колониальной политики»⁸ раскрываются другие стороны деятельности английских политиков. Питт характеризуется как талантливый государственный деятель, сумевший многого достичь в колониальном вопросе: установить правительственный контроль над Индией, начать освоение Австралии, занять часть островов французской Вест-Индии (это направление англо-французской борьбы Тарле считает приоритетным для Англии). Фокс упоминается при рассмотрении вопроса взаимоотношений Англии и ее североамериканских колоний, где он выступает как последовательный либерал, ратующий за предоставление им независимости.

К сожалению, Тарле не рассматривает интереснейшую дискуссию по вопросу контроля над Ост-Индской компанией, в которой У. Питт и Ч. Фокс выступали каждый со своим законопроектом, и в которой Питт одержал верх.

Также весьма интересны для характеристики Питта как дипломата и государственного деятеля работы Е.В. Тарле «Наполеон»⁹ и «Талейран»¹⁰. В них автор красочно рисует противостояние Питта и Наполеона, действия Пита по созданию второй и третьей коалиций и трагедию премьер-министра после Аустерлица.

Тарле рассматривает и тот короткий период, когда во главе внешней политики Великобритании стоял Чарльз Джеймс Фокс, характеризуя его как «всегдашнего противника политики Питта»¹¹, которому тем не менее пришлось стать ее продолжателем, так как за небольшой промежуток времени, что Фокс находился у власти, он не сумел добиться мира, ярким поборником которого являлся.

Источниковая база у академика Тарле весьма обширна и разнообразна – здесь и архив МИД России, и документы по внешней

⁷ Тарле Е.В. Французская революция и Англия... С.742.

⁸ Он же. Очерки истории колониальной политики. М.; Л., 1963.

⁹ Он же. Наполеон. Минск, 1980.

¹⁰ Он же. Талейран. М., 1992.

¹¹ См.: Тарле Е.В. Наполеон. С.160.

политике Англии и Франции, а также материалы периодической печати.

Из работ общего характера по истории Англии следует выделить монографию Киры Николаевны Татариновой «Очерки по истории Англии, 1640–1815 гг.»¹². Это наиболее полное исследование периода английской истории конца XVIII – начала XIX века в отечественной историографии. К.Н. Татаринова ввела в оборот большой пласт источников экономического характера, переписи и статистические данные, позволяющие судить о внутреннем развитии страны. Автор уделяет основное внимание вопросам экономического развития и положения рабочего класса, но и политическая история нашла здесь достаточное освещение.

Политическую биографию Питта-мл. К.Н. Татаринова прослеживает с момента избирательной кампании 1780 года, когда он баллотировался в парламент, и подчеркивает коррупционные методы, которыми воспользовался юный Питт¹³. Она рассматривает его деятельность во время политического кризиса 1782 — 1783 годов, характеризуя Питта как поборника реформ и главу партии новых тори. Приход к власти Питта-мл. в 1783 году Татаринова считает закономерным результатом. Действия нового премьер-министра по разрядке экономического и политического кризиса оцениваются автором как весьма успешные: приводится описание экономических реформ и попытки Питта провести парламентскую реформу, что не удалось из-за противодействия оппозиции во главе с Фоксом. Весьма интересно представлена и борьба Фокса с Питтом в вопросе управления Индией. Автор даёт характеристику биллей по Ост-Индской компании, описывает прения в парламенте. Делу Гастингса, бывшего губернатора Индии, по которому Питт и Фокс в очередной раз не сошлись во взглядах, даже посвящен отдельный параграф.

Не обходит вниманием Татаринова и кризис королевской власти 1788 года, причём действия оппозиции оценивает как беспринципные, а Фокса считает политиком, готовым поступиться своими взглядами ради победы над Питтом¹⁴.

Переломным годом во взглядах и политике Питта автор называет 1789, когда оппозиция снова оживилась, а правительство стало скатываться к реакции. В разделе, посвященном этому периоду, нашла отражение внутренняя (характеризуемая как репрессивная и реакционная) и внешняя политика Питта, а также ирланд-

¹² Татаринова К.Н. Очерки по истории Англии. М., 1958.

¹³ См. там же. С. 349.

¹⁴ См. там же. С. 354.

ский вопрос. Интересно следующее: говоря о правительственной коалиции вигов и тори, К.Н. Татаринова упускает из виду тот факт, что виги Фокса не вошли в правительство, а далее не упоминает о приходе Фокса во власть в 1806 году после смерти Питта.

В 1959 году вышли «Очерки истории Англии», в которых Уильям Питт упоминается только как создатель антифранцузских коалиций и проводник реакционной политики, а имя Фокса не упоминается вовсе¹⁵.

Большой интерес вызывают работы Ефима Борисовича Черняка, в частности его монография «Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII – начале XIX века»¹⁶. Автор подчеркивает репрессивные действия правительства во главе с Питтом–мл. по разгрому прогрессивных кружков и обществ, возникших в Англии после Французской революции. Такие действия, по мнению автора, стали возможны при отсутствии оппозиции, одна часть которой поддержала правительство, другая же, во главе с Фоксом, предпочла уйти в тень, чтобы не навлечь на себя репрессий. Это обеспечило, по словам Е.Б. Черняка, правительственный произвол¹⁷. В книге характеризуется жесткая политика Питта по отношению к народным выступлениям, его роль в подавлении восстаний на флоте и в Ирландии, хотя автор и отмечает попытку Питта предоставить избирательные права католикам. Работа Е.Б. Черняка основана на материалах периодической печати, законодательных актах и архиве МИД России.

Ефим Борисович Черняк проявил себя как большой знаток международных отношений Нового времени. Ему принадлежат такие работы, как «Жандармы истории», «Секретная дипломатия Великобритании», «Вековые конфликты», «Пять столетий тайной войны»¹⁸. В этих книгах с небольшими вариациями рассказывается о действиях тайной разведки Уильяма Питта-мл.: финансирование шуанов, организация террористических актов против Наполеона и роль в подготовке заговора против Павла I. Имя Чарльза Джеймса Фокса упоминается в связи с вступлением Франции в войну на сто-

¹⁵ *Очерки истории Англии* / Левин Г.Р. М., 1959.

¹⁶ *Черняк Е.Б.* Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII – начале XIX века. М., 1962.

¹⁷ См. там же. С.67.

¹⁸ *Черняк Е.Б.* Жандармы истории. М., 1969; *Он же.* Секретная дипломатия Великобритании. М., 1975; *Он же.* Вековые конфликты. М., 1988; *Он же.* Пять столетий тайной войны. М., 1997.

роне североамериканских колоний в войне за независимость, а также при подписании Версальского мира¹⁹.

В монографии Л.Е. Кертмана «География, история и культура Англии»²⁰ период правления Питта-мл. выделен достаточно ярко. Кертман называет Питта лидером «нового торизма», который пришел к власти в обстановке политического кризиса с намерением реформировать партию, обновить ее идеологию и программу, выражая интересы промышленной буржуазии²¹. Возможно, это сказано чересчур громко – у Питта не было ни возможности, ни желания заниматься внутрипартийными перестановками, скорее наоборот – действия премьер-министра, который представлял партию тори и выступил с программой экономических и политических реформ, не могли не привести к смене программы партии и привлечь на ее сторону промышленную буржуазию.

Кертман перечисляет основные достижения Питта-мл. на первом этапе его правления, важнейшим из которых он считает поставивший Индию под контроль правительства закон об Ост-Индской компании, называя его компромиссом между старой олигархией и новой буржуазией²².

Не обойден вниманием автора и глава оппозиции, который характеризуется как «выдающийся политик, великолепный оратор и либеральный демагог, лидер вигов Чарльз Джеймс Фокс»²³. Но Кертман не упоминает, что именно из-за противодействия вигов Питту не удалось провести в жизнь политические преобразования.

Вслед за К.Н. Татариновой он также считает 1789 год рубежом, разделившим правление Питта на два этапа – либеральный и реакционный. «На ранней стадии Революции (до лета 1792 г.) политическая борьба в Англии проходила между сторонниками и противниками революции»²⁴, причем лидерами первых Кертман называет Фокса и Пейна, а лидерами вторых – Эдмунда Бёрка и Питта-мл. Далее он пишет: «Книга Бёрка (имеется в виду сочинение «Размышления о революции во Франции». — Е.М.) и мысль о том, что изменения в государстве возможны лишь при крайней необходимости и с наименьшими отклонениями от сложившихся учреждений и принципов управления, легла в политическую концепцию нового торизма, возглавляемого Питтом-мл., и идеи Бёрка ста-

¹⁹ См.: Черняк Е.Б. Жандармы истории. С. 76.

²⁰ Кертман Л.Е. География, история и культура Англии. М., 1979.

²¹ См. там же. С. 145.

²² См. там же.

²³ Там же. С. 157.

²⁴ Там же.

ли теоретическим обоснованием политики всеильного премьер-министра»²⁵. Данное утверждение представляется слишком бескомпромиссным как для оценки идей Бёрка, безусловно выдающегося мыслителя и идеолога нового направления в политической мысли, которое получит название «ценностный консерватизм», так и для характеристики второго периода правления Питта-мл. Опровергнуть суждение Л.Е. Кертмана можно словами самого Питта-мл. о книге Бёрка: «В данном сочинении много того, чем можно восхищаться, и ничего, с чем можно согласиться»²⁶.

Фокс же, олицетворявший, по выражению Л.Е. Кертмана, протест против репрессивной политики правительства, пошел на раскол партии вигов, чтобы избежать ее полного поглощения правящей партией. Позицию Фокса, который приветствовал революцию и выступал против войны и охранительного законодательства, Кертман считает расходящейся с позицией Питта лишь в вопросах тактики, а не в принципах²⁷, с чем нельзя согласиться.

Весьма интересна статья самарского историка С.Б. Семёнова «Уильям Питт-младший и парламентская реформа в Англии»²⁸. Автор привлекает различные виды источников: «Парламентскую историю Англии», корреспонденцию Георга III, мемуарную литературу. В статье рассматривается один из наиболее спорных моментов в политической деятельности Питта-мл. Автор акцентирует внимание на том, что Питт выдвинулся именно благодаря проекту реформы, с которым выступал и будучи членом парламента, и в качестве премьер-министра, но трижды потерпел поражение. Он называет несколько причин неудачи: позиция вигов, которые на словах были за реформу, но на деле отказались ее поддержать, отрицательное отношение короля, весьма умеренный характер предложенного реформирования, что не устраивало более радикальных членов комиссии по реформе, а также тот объективный фактор, что пик движения за реформу к 1785 году уже миновал²⁹. Статья примечательна тем, что автор рассматривает вопрос о реформе в период ещё до прихода Питта к власти, подробно описывает сам проект и работу по его подготовке, внимательно анализируя причины поражения и отказа Питта от дальнейшей борьбы.

²⁵ Кертман Л.Е. Указ. соч. С. 158.

²⁶ Черняк Е.Б. Вековые конфликты. С. 302.

²⁷ См.: Кертман Л.Е. Указ. соч. С. 161.

²⁸ Семёнов С.Б. Уильям Питт-младший и парламентская реформа в Англии // История и историография зарубежного мира в лицах. Самара, 1999.

²⁹ См. там же. С. 80-81.

Вопросу о парламентской реформе посвящена и недавно опубликованная статья О.А. Савченко «Проекты реформирования парламентского представительства в Англии в 80—90-е гг. XVIII века»³⁰. Автор подчеркивает, что необходимость перемен явно назрела, что осознавали как премьер-министр, так и лидер оппозиции. Питт-мл. трижды вносил на рассмотрение законопроекты весьма умеренного характера, причем поддержку в парламенте, как пишет автор, он получил не от членов своей партии, а от вигов во главе с Фоксом. Фокс оставался последовательным сторонником политической реформы, особенно со вступлением в «Общество друзей народа», цель которого была добиться парламентской реформы³¹. Но Французская революция вывела Питта из числа сторонников изменения законодательства, поскольку требовалось предотвратить политический кризис в стране. Момент для реформы был явно неподходящий, а ряды её приверженцев стремительно таяли. Статья О.А. Савченко, несомненно, слабее, чем статья С.Б. Семёнова, так как автор использует только один источник, а именно «Парламентскую историю Англии». Недостаточно освещены и представленные в разное время проекты реформ, не показано, в чём состояло их отличие.

Одно из лучших и наиболее полных в отечественной историографии исследований личностей и деятельности У. Питта и Ч. Дж. Фокса принадлежит перу Николая Николаевича Яковлева³². При написании своих работ он пользовался материалами «Парламентской истории Англии», «Английской конституционной истории», а также Архивом внешней политики Российской империи. Им рассмотрены такие аспекты деятельности Питта-мл., которые не освещались другими исследователями: его политика в сопоставлении с политикой Питта-ст., взаимоотношения с Георгом III и др. Яковлев считает Питта-мл. деятелем либерального толка, в чем расходится с большинством отечественных историков. Период его правления он делит на два этапа – десятилетие либеральных реформ 1783 — 1793 годов и период консервативной политики. Первый этап автор находит наиболее удачным и доказывает это анализом достижений Питта-мл. как во внутренней, так и во внешней политике. Не последнюю роль в достижении такого успеха Н.Н. Яковлев отводит достигнутому согласию в действиях между

³⁰ Савченко О.А. Проекты реформирования парламентского представительства в Англии в 80—90-е гг. XVIII века // Старая и новая Европа: Государство, политика, идеология. М., 2005.

³¹ См. там же. С. 108.

³² Яковлев Н.Н. Британия и Европа. М., 2000.

королем и премьер-министром, который быстро научился работать в хрупком равновесии между большинством в палате общин и монархом. Питт, по мнению автора, сумел стать необходимым для короля, но ни в коем случае не послушным орудием в его руках – «*между ними царило взаимное уважение*»³³, но отнюдь не близость. Решение Питта уйти в отставку в 1801 году Яковлев мотивирует нежеланием расстраивать короля и вызвать у него новый приступ душевной болезни. Думается, что к этим мотивам следует добавить недовольство Питта решением ирландского вопроса и вопроса об эмансипации католиков, растущую непопулярность его внешней политики, а также собственное расстроенное здоровье.

Второй период правления У. Питта-мл. Н.Н. Яковлев считает гораздо менее успешным, в первую очередь из-за неудачной внешней политики и отказа от политических реформ.

Деятельность Фокса освещена в статье Н.Н. Яковлева «*Вигская оппозиция*». Автор именует его достойным противником самого Питта³⁴. Здесь изложены взгляды Фокса на задачи оппозиции, дана характеристика его политики до конца XVIII века, в это непростое для оппозиции время, когда она, как правило, постоянно находилась в меньшинстве. При невозможности завоевания большинства и свержения правительства Фокс стремился к контролю над властью и поддержанию законности, не позволяя себе прекращать борьбу³⁵. Автор подчеркивает стремление Фокса к реформам, его последовательный либерализм, несмотря на неблагоприятную для этого ситуацию в 90-е годы XVIII века, что доказывает принятый парламентом билль Фокса о свободе прессы, а также его борьба за отмену работорговли. Примечательно, что в этом последнем вопросе союзником Фокса стал Питт-мл. (едва ли не единственный случай в их политической жизни. – *Е.М.*), но несмотря на единодушные действия премьер-министра и лидера оппозиции данный законопроект так и не был принят при жизни Фокса и Питта. Яковлев также не мог обойти вниманием влияние на Фокса Французской революции, которая вызвала огромное воодушевление в рядах либерально настроенных членов оппозиции. Но она же выявила и принципиальные расхождения – у Эдмунда Бёрка нашлось немало сторонников, что заставило Фокса, категорически не согласного с беркианской концепцией, пойти на разделение партии. Яковлев считает, что тем самым революция нанесла сокрушительный удар

³³ Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 224.

³⁴ Там же. С. 242.

³⁵ См. там же.

по британскому парламентскому либерализму во главе с Чарльзом Джеймсом Фоксом³⁶.

В настоящее время ведущим специалистом по истории Англии времен Питта и Фокса является ростовский учёный Александр Александрович Егоров, перу которого принадлежит ряд статей³⁷. При изучении данных работ складывается целостная и весьма объективная картина периода правления Питта-мл. Автор характеризует его как одну из наиболее примечательных фигур на авансцене европейской политики конца XVIII – начала XIX века, блестящего мастера политического маневра, выдающегося оратора и политического деятеля³⁸.

А.А. Егоров не останавливается на причинах, приведших Питта-мл. к власти, но пишет, что никто не ожидал от него способности удержаться на посту премьер-министра столь долгий срок. Весьма подробно в отдельной статье рассмотрены экономические реформы правительства Питта, прослеживается обусловившая их историческая ситуация и ход принятия законодательных актов. Небольшая неясность возникает при прочтении следующего абзаца: «Питт начал с попытки рассмотреть злополучный индийский вопрос. Он и его коллеги спешно, с большим напряжением подготовили новый законопроект об управлении Индией. Правление Ост-Индской компании одобрило документ, и он был представлен в палату в январе 1784 г... Выступивший при обсуждении законопроекта Фокс полностью отверг его в пику новой администрации. Индийский билль был провален большинством в 8 голосов»³⁹. Создается впечатление, что А.А. Егоров полагает, будто законопроект Питта так и не вступил в действие, тогда как в действительности напротив – проект Фокса потерпел поражение во время прений в парламенте, а проект Питта получил статус закона 6 июня 1784 года.

Егоров обращается и к мало затронутому его предшественниками второму премьерству Питта. В частности, он подробно ис-

³⁶ См.: Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 247 — 248.

³⁷ Егоров А.А. Экономическая политика кабинета Уильяма Питта Младшего накануне Французской революции XVIII века // Из истории экономической политики европейских капиталистических государств в новое и новейшее время. Ростов н/Д, 1987; *Он же*. Эпилог одной политической карьеры, или «Сто дней» Питта Младшего // Великобритания и США в XIX — XX веках. Уссурийск, 1997; *Он же*. Уильям Питт Младший в исторической литературе XIX века // Историческая мысль и история идей. Брянск, 1998; *Он же*. Питт Младший: юные годы // Люди и политика. Вып. 7. Брянск, 1999.

³⁸ См.: Егоров А.А. Эпилог одной политической карьеры. С. 3.

³⁹ Егоров А.А. Экономическая политика кабинета Питта Младшего. С. 6.

следует тот момент, что к 1804 году извечное противоречие между Питтом и Фоксом во многом сошло на нет, и Питт рассчитывал на коалиционное правительство при участии Фокса, которому намеревался отдать пост государственного секретаря. Возможно, если бы этот план удался, не пришлось бы повторять избитые фразы о том, что «второе министерство Питта было слабой тенью предыдущего»⁴⁰. Но противодействие короля сделало участие Фокса в правительстве невозможным. Джентльменский жест Фокса, когда он призвал своих сторонников оказать поддержку Питту, пропал втуне, так как виги наотрез отказались войти в правительство без своего лидера, что, безусловно, свидетельствовало об авторитете Фокса среди соратников, который не пошатнули даже годы политической изоляции. Автор не рассматривает тот короткий период, когда Фокс находился в правительстве, так как это выходит за рамки его исследования.

Егоров задействовал наиболее широкий круг источников – он использует «Парламентскую историю Англии», документы по британской политической истории, речи Питта-мл. и Гренвилля, а также значительный объем мемуарной и дневниковой литературы.

В книге И.А. Мусского «Сто великих дипломатов»⁴¹ Уильяму Питту-мл. посвящена отдельная статья с характеристикой его внешнеполитической деятельности. Автор не дает какой-либо периодизации внешней политики Питта-мл. Первой задачей премьер-министра в начале правления он называет выход Англии из политической изоляции с помощью союзов, когда можно «брать как можно больше, отдавая как можно меньше»⁴². Целью Питта до революции во Франции Мусский называет подрыв французского влияния везде, где только можно. Он отмечает сдержанную позицию Питта в течение первого периода Французской революции, а в дальнейшем называет его главным организатором и вдохновителем коалиции против Франции⁴³. Потерпев неудачу во внешней политике, Питт, по выражению исследователя, «счел благоразумным на время уйти от власти»⁴⁴. И.А. Мусский не согласен со многими другими историками в оценке результатов второго премьерства Питта. По его словам, именно в это свое последнее пребывание у власти Питт оказал неопределимую услугу своей родине, переложив путем ловких политических маневров и денежных субсидий все

⁴⁰ Егоров А.А. Эпилог одной политической карьеры. С. 8.

⁴¹ Мусский И.А. Сто великих дипломатов. М., 2002.

⁴² Там же. С. 289.

⁴³ См. там же. С. 291.

⁴⁴ Там же. С. 293.

бремя войны на плечи континентальных держав. Пока Наполеон бил австрийцев и русских, разорял Австрию и расчленял Германию, Англия была в безопасности⁴⁵.

В целом высоко оценивая заслуги отечественных историков в изучении деятельности У. Питта-мл. и Ч. Фокса и их роли в истории Англии рубежа XVIII — XIX веков, следует отметить три момента: а) отсутствие работ, осуществляющих сопоставительный анализ политических взглядов и практики этих двух выдающихся людей, а также исследующих сложный характер их взаимоотношений – от дружбы и поддержки до открытого противостояния и вновь осознания необходимости сотрудничать; б) необходимость введения в научный оборот более широкой источниковой базы; в) очень неравномерное распределение внимания и интереса историков к Питту-мл. и Ч. Фоксу: если первому посвящена отдельная монография, то второму ни одной статьи, он остается в тени своего более успешного противника. Отсюда можно сделать вывод о необходимости более детального и комплексного изучения политических биографий Питта-мл. и Ч. Фокса с тем, чтобы получить более четкое представление об истории Англии рубежа XVIII — XIX веков.

Мочалова Екатерина Александровна – аспирантка кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта (Калининград).

⁴⁵ См.: Мусский И.А. Сто великих дипломатов. М., 2002.

Раздел 3

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. ВЕК XX

К.Н. Колмагоров

Польский вопрос 1914 — 1921 гг.: поиск ответа

Внешняя политика начала XX в. поражает своей насыщенностью и динамикой развития. Основываясь на почве взаимного франко-германского антагонизма, уходящего истоками в 70-е гг. XIX в., международные отношения год от года обрастали все новыми и новыми нитями противоречий, сплетаясь в Гордиев узел, разрубить который могла лишь мировая война, чьи первые залпы грянули летом 1914 г. И если мировая война стала реквиемом для трех великих империй, то для десятка малых народов она оказалась своего рода медными трубами, пройдя через которые они получили шанс обрести долгожданную свободу и образовать независимые государства. Процесс формирования независимых государств, как ни парадоксально это звучит, начинается с первыми выстрелами мировой войны. Национально-освободительные движения, не без поддержки внешних сил, будь то Антанта или Германский блок, начинают координировать свои требования относительно сложившейся в Европе ситуации и все активнее включаться в международные отношения, оказывая зачастую влияние на политику ведущих держав. В этом смысле трудно согласиться с положением Калеви Холсти, одного из современных классиков теории международных отношений, о том, что «международная политика» – это сфера политических отношений в части проявления интересов и действий суверенных государств¹. Первая мировая война меняет кардинально не только международную ситуацию, но и саму международную политику, выводя её из узких классических рамок межгосударственных отношений.

¹ *Holsti K.J.* International Politics: A Framework for Analysis. 7th Englewood Cliffs, N.Y., 1995. P. 19.

Одним из важнейших вопросов, чье решение на прямую зависело от результатов завершения мировой войны, но который в свою очередь оказывал огромное влияние на политику воюющих держав, был польский вопрос. Красно-белой нитью он связывал бывших союзников по разделам Речи Посполитой, но в период мировой войны именно этот факт сыграл ключевую роль. Как минимум одна из империй — участников уничтожения польского государства должна была быть повержена, и на её обломках можно было начать возрождение Речи Посполитой.

Специфика польского вопроса, в сравнении с другими национальными вопросами периода Первой мировой войны (чешский, словацкий, словенский, украинский и т. д.), вытекает из самого факта *разделов* Речи Посполитой, а *не* её *завоевания* какой-либо одной державой. Это в свою очередь определяло отношение стран — участников мировой войны к польской проблеме. Польский вопрос, десятилетия висевший в воздухе и игравший преимущественно роль рычага давления на державы, участвовавшие в разделах, должен был наконец решиться. Неясно было лишь одно — каким образом? Ответом на это могло быть лишь завершение мировой войны.

Естественно, можно усомниться в искренности желания русского руководства решить польский вопрос в соответствии с чаяниями поляков, однако выход за внутрисоветские рамки и подключение уже с 1914 г. к рассмотрению польской проблематики ведущих союзников России по Антанте — Англии и Франции² позволяли полякам надеяться на удовлетворительное решение польского вопроса.

Германия и Австро-Венгрия зашли в решении польского вопроса еще дальше — 5 ноября 1916 г. появился знаменитый акт о создании польского государства. Естественно, новое государство оставалось по большому счету аморфным образованием, однако несомненно, что данный шаг германского блока открывал новые перспективы в решении польского вопроса. Так или иначе, обе стороны — Антанта и центральноевропейские державы — давали понять полякам: польский вопрос вступает в новую фазу своего существования — фазу разрешения.

Сложившаяся ситуация позволила польскому национально-освободительному движению активизировать свою деятельность. Более того, вариативность решения польского вопроса давала полякам возможность маневра. Таким образом, впервые за время суще-

² См.: *Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств 1878 — 1917. М., 1938. Сер. 3. Т. 6. Ч. 1. С. 120 — 121.*

ствования польской проблемы складывалась ситуация, когда сами поляки, оставаясь по-прежнему в зависимости от решения держав, могли оказывать давление на их политику.

Польское национально-освободительное движение не преминуло воспользоваться выпавшим на его долю шансом. В 1914 г. в Париже открывается центральное представительство эндецкого Польского национального комитета, глава которого Р. Дмовский в начале 1915 г. добивается открытия уже лондонского филиала ПНК. Параллельно с Дмовским активизирует свою деятельность по отношению к Германскому блоку Ю. Пилсудский³.

Начиная с 1915 г. можно смело говорить о вхождении польского вопроса в фазу разрешения. Неудачи российской армии и обреченность сазоновских инициатив по либерализации режима российского управления Польшей обусловили более активное подключение союзников России по Антанте к решению польского вопроса. Бесперспективность русско-польского диалога окончательно проявилась летом 1916 г., когда с увольнением Сазонова исчезла последняя возможность решить польский вопрос более или менее «порусски». В связи с этим ПНК еще больше активизирует свои отношения с французским правительством и британским Форин Офис, которые ввиду полного отсутствия польско-российских отношений берут на себя роль «посредников» в решении польской проблемы⁴. С середины 1916 г. инициатива полностью перешла к англо-французским союзникам, которые постепенно становились основными участниками диалога с представителями ориентированной на Антанту части польского национально-освободительного движения. После же совместного австро-германского акта о создании польского «независимого» государства ввиду отсутствия с российской стороны каких-либо подвижек в решении польского вопроса Париж и Лондон, наряду с ПНК, превращаются в основных участников разработки вариантов решения польского вопроса⁵.

Ключевым в разрешении польского вопроса стал 1917 г. Круг участников окончательно сузился. Предрешенность поражения германского блока к концу 1917 г. становится фатально очевидной. Выход большевистской России за рамки традиционных участников решения польского вопроса окончательно развязал руки Парижу и Лондону. Временный уход Пилсудского с политической арены

³ См.: *Piszczkowski T.* Anglia a Polska (1914-1939). Londyn, 1975. S. 3—5.

⁴ См.: *Foreign Policies of Great Powers. The Mirage of Power. The Documents.* Bristol, 1972. Vol. 3. P. 579—580.

⁵ См.: *Nowak-Kielbikowa M.* Polska – Wielka Brytania w latach 1918—1923. Warszawa, 1975. S. 27.

также возвел эндеков и Дмовского в ранг единственных полномочных представителей польской нации в диалоге с англо-французской коалицией. Всё шло к тому, что польский вопрос должен был со дня на день прекратить своё существование.

Однако, как это ни удивительно, но кажущаяся предопределённость разрешения польской проблемы окончательно разрушила иллюзию коалиционного подхода к её решению. Между Парижем и Лондоном обнаружились серьезные противоречия. В отличие от французского руководства, Д. Ллойд Джордж, а вслед за ним и глава Форин Офис Бальфур считали необходимым не допустить максимального усиления послевоенной Польши⁶. Если Франция всеми силами поддерживала требования эндецкого Польского национального комитета, то Лондон старался всеми силами им в этом противостоять. В противовес эндеции британское руководство пытается ввести в дискуссию по польскому вопросу дополнительных участников, первым из которых становится Ю. Пилсудский⁷, с которым Англия, первой из держав Антанты, начинает активные контакты. Таким образом, Лондон, пытаясь навязать выгодную для себя линию, тормозил решение польского вопроса.

Попытка запутать польский вопрос проявилась в старании британского руководства изменить планировавшийся первоначально состав польского правительства, куда по предварительному англо-французскому соглашению должны были войти только представители эндецкого ПНК⁸. В тяжёлых дебатах, которые продолжались весь конец 1918 – начало 1919 г., было решено, что правительство Второй Речи Посполитой будет коалиционным⁹. Франция при всем своём желании не могла помешать Лондону изменить первоначальный состав польского правительства и не допустить в него Пилсудского и его сторонников.

Вопрос о составе польского правительства и его разрешение важны как пример того, во что постепенно, в период завершения мировой войны, превращался польский вопрос. «Непольское» решение проблемы состава руководства Второй Речи Посполитой в будущем не только определит динамику решения почти всех составляющих вопроса, уже перестающего быть «польским», но и на

⁶ См.: *Kulak T. Między Niemcami a Rosją – poglądy Romana Dmowskiego w sprawie polskich ziem zachodnich // Twórcy polskiej myśli zachodniej / Pod red. W. Wrzesińskiego. Olsztyn, 1996. S. 13.*

⁷ См.: *Piszczkowski T. Op. cit. S. 49.*

⁸ См.: *Наленч Д., Наленч Т. Юзеф Пилсудский: легенды и факты. М., 1990. С. 90—91.*

⁹ См.: *Nowak-Kielbikowa M. Op. cit. S. 55.*

многие годы вперёд предопределят тот хаос, в котором будет пребывать политическая жизнь Польши.

Попытки, подобные данной, решить польский вопрос «не польски» будут предприниматься и далее. Особенно ярко это проявится в период работы Парижской мирной конференции.

Фактически все вопросы, так или иначе связанные с польской спецификой, решались без участия польской стороны. Роман Дмовский, а позже и Игнаций Падеревский, возглавлявшие польскую делегацию в Париже, безуспешно пытались повлиять на позицию великих держав, придать проблеме «польское звучание»¹⁰. Тем не менее все территориальные вопросы, как-то: граница с Германией, вопрос Гданьска-Данцига, силезская проблема, территориальное разграничение в Восточной Пруссии — были решены в духе полного несоответствия чаяниям польской стороны. В отношении западных и северо-западных границ Второй Речи Посполитой польский вопрос остался таким образом без ответа. Компромисс был, естественно, найден, но не между державами — организаторами мирной конференции и Варшавой, а прежде всего между Лондоном, Парижем и, отчасти, Берлином¹¹. В отношении же восточных границ молодого польского государства была выработана стратегия, результатом которой оказалась сомнительная победа Польши в советско-польской войне. Итогом войны стало вхождение Польши в сотнекилометровое соприкосновение с Советской Россией, руководство которой рассматривало хрупкий Рижский мир не более чем как временный компромисс, который мог нарушиться в любой момент, тем более что и сама Варшава не была до конца удовлетворена результатами войны. Таким образом, вступив в 1917 г. в фазу разрешения, польский вопрос, несмотря на появление на карте Европы Второй Речи Посполитой, остался законсервированным на той стадии, которая сама по себе предполагала его новую постановку в ближайшем будущем.

Таким образом, образование Второй Речи Посполитой и определение к 1921 г. её границ вряд ли можно считать полным разрешением польского вопроса. Ситуацию, в которой оказалась Польша на момент завершения формирования Версальско-Вашингтонской системы, трудно назвать удовлетворительной. Все участники формирования послевоенной Европы рассматривали сложившуюся ситуацию как временную. Париж, не удовлетворённый результатами мирной конференции, надеялся, что в будущем Польше удастся

¹⁰ См.: *Lord E. Howard of Penrith. Theatre of Life.* L., 1936. P. 330.

¹¹ См.: *Luckau A. The German Delegation at the Peace Conference 1919.* N.Y., 1945. P. 198—199.

значительно расширить сферу своего влияния, как за счёт части Советской России, так и за счёт Германии, с которой, как считали в Париже, окрепшая Варшава сможет в будущем справиться¹². «Фактор Пилсудского» также мог быть преодолен в рамках формировавшейся в Польше парламентской республики.

Лондонское руководство в противовес парижскому, считало, что сложившаяся ситуация, напротив, должна играть роль сдерживающего фактора для Варшавы, которая была зажата между Берлином и Москвой. Последние в свою очередь не могли не понимать, что усиление Варшавы является не более чем временным и по большому счету искусственным, вызванным в первую очередь их собственным ослаблением.

Таким образом, ситуация с появлением Второй Речи Посполитой отнюдь не снимала с повестки дня польский вопрос, который оставался законсервированным до того момента, когда Россия и Германия должны были «набрать форму», что в конце концов и случилось в сентябре 1939 г., когда бывшие участники разделов вновь по-своему решили польский вопрос.

Повторение событий конца XVIII в. объясняется прежде всего тем, что для всех участников событий 1914 – 1921 гг. Польша в качестве вопроса играла куда более весомую роль в системе международных отношений, чем в качестве независимого государства. Неопределенность, в состоянии которой находилась Европа после Первой мировой войны, зеркально отразилась на состоянии, в котором оказалась Вторая Речь Посполитая, а вместе с ней и нерешенный польский вопрос, который в рамках Версальско-Вашингтонской системы должен был играть роль фактора напряжения, необходимого Лондону как основному создателю послевоенной Европы (1918-1921 гг.) для недопущения усиления отдельных акторов и сохранения таким образом баланса сил на континенте.

Однако в силу всеобщего неудовлетворения сложившейся ситуации подобного рода баланс сил являлся не более чем временным компромиссом, которому суждено было рухнуть с первыми выстрелами Второй мировой войны, начавшейся 1 сентября 1939 г. именно с решения польского вопроса.

Колмагоров Константин Николаевич – ассистент кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта, кандидат исторических наук.

¹² См.: *Piszczkowski T.* Op. cit. S. 102

М.А. Ковалёва

Проблема Вильнюса в польско-литовских отношениях (1918 – 1920 гг.)

Одним из главных итогов Первой мировой войны стало образование независимых национальных государств в Центральной и Восточной Европе, проходившее при активном участии держав-победительниц – Франции, Великобритании, США и сопровождавшееся многочисленными территориальными конфликтами. В процессе перекраивания европейских границ политико-стратегические соображения возобладали над национально-этническими принципами. Эту ситуацию очень красочно описал Ллойд Джордж: «Возрожденные народы восстали из своих могил, голодные и прожорливые после долгого поста в подземных казематах угнетения»¹.

Не остались в стороне от этих процессов правящие элиты польского и литовского народов, которые на протяжении долгого времени разделяли общую историческую судьбу – от расцвета могущественного европейского государства Речи Посполитой до его ослабления, упадка и раздела между великими державами. Теперь же, после окончания мировой войны, в связи с развалом трех великих империй – Австро-Венгерской, Германской и Российской, настала пора определяться. И главной проблемой территориального спора между новообразованными Второй Речью Посполитой и Литвой стал вопрос о том, к какому из государств отойдет древний город Вильно и прилегающие к нему территории. Эта проблема оказывала решающее влияние на отношения двух стран: от ее разрешения зависели удача или провал тех или иных переговоров. Рассмотрению этой международной проблемы и посвящена данная статья.

При изучении данной проблемы привлекались дипломатические документы, протоколы заседаний высших органов власти Польши и Литвы, письма, записки и мемуары участников событий. Специальных работ по данной теме на русском языке автором не обнаружено. В то же время в исследованиях польских и литовских историков проблема Вильнюса нередко становилась объектом пристального внимания. Центральным в этих работах является вопрос

¹ Ллойд Дж. Д. Правда о мирных договорах. М., 1957. Т. 1. С. 267.

об исторической принадлежности Вильнюса. Каждая сторона старается доказать свои права на этот город².

В течение рассматриваемого периода (1918 — 1920 гг.) судьба Вильнюсского края складывалась очень непросто. Во время Первой мировой войны эти территории были оккупированы германскими войсками. Однако с подписанием Компьенского перемирия в ноябре 1918 г. немецкие военные контингенты стали постепенно отводиться за пределы Литвы. Еще осенью 1917 г. в Вильнюсе было создано буржуазное литовское правительство — так называемая Литовская Тариба³. После вывода немецких войск на эту территорию пришла Красная армия (Тариба переехала в Каунас), а 1 декабря 1918 г. была провозглашена Литовская ССР и образовано еще одно литовское правительство — советское, во главе с лидером литовских коммунистов Мицкявичюсом-Капсукасом⁴. В ответ польское население этих земель создало Комитет защиты восточных окраин (КЗВО) и обратилось за помощью к Ю. Пилсудскому⁵. В результате 1 января 1919 г. части польской армии заняли город, а польский военный комендант Мокржецкий объявил столицу Советской Литвы «польским городом»⁶. Но уже через два дня польские части были выбиты оттуда советскими войсками.

При содействии Советской России 27 февраля 1919 г. было создано новое государство — Литовско-Белорусская ССР со столицей в Вильно. Однако уже в апреле 1919 г. Вильно снова заняли польские войска под командованием генерала Рыдз-Смиглы. Поляки установили здесь оккупационный режим, литовцы же обратились к странам Антанты с просьбой о проведении демаркационной линии между Польшей и Литвой. Тем временем разгорелась советско-польская война. В результате наступления Красной армии 14 июля 1920 г. Вильно был взят кавалерийским корпусом Г. Гая, а 27 августа согласно советско-литовскому договору в город вступили

² См.: *Ajnenkiel A.* Od rządów ludowych do przewrotu majowego. Warszawa, 1986; *Laučka J.B.* Lithuanian's road to regain its sovereignty and establish a democratic republic, 1917 — 1920 [Электронный ресурс]. www.lituanus.org; *Senn A.* Lithuania through polish eyes, 1919 — 1924 [Электронный ресурс]. www.lituanus.org; *Šapoka A.* Lietuvos istorija. Vilnius, 1990; *Wieczorkiewicz P.P.* Polityka zagraniczna II Rzeczypospolitej na tle sytuacji europejskiej w latach 1918 — 1939 // *Z dziejów Drugiej Rzeczypospolitej*. Warszawa, 1986.

³ См.: *Šapoka A.* Op. cit. S. 576.

⁴ См.: *Laučka J.B.* Op. cit.

⁵ См.: *Мельтохов М.И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918 — 1939 гг. М., 2001. С. 20.

⁶ См.: *Навицкас К.В.* Литва и Антанты (1918 — 1920). Вильнюс, 1970. С. 31.

литовские войска. Однако столкновения между поляками и литовцами продолжались. В результате инспирированного в польской армии мятежа 9 октября дивизия генерала Желиговского заняла Вильнюс. Этот шаг надолго испортил польско-литовские дипломатические отношения. В марте 1923 г. конференция послов Антанты признала де-факто границы Польши с Литвой и СССР, закрепив в ее составе Вильнюсский край. Литва не признавала Вильнюс польским городом и по-прежнему считала его своей столицей, хотя правительство страны было вынуждено переехать в Каунас.

Проблема Вильнюса стала предметом дебатов с самых первых дней после установления мира осенью 1918 г. Она подробно и обстоятельно была рассмотрена на заседании Польского национального комитета (ПНК) в Париже, который представлял интересы страны на мирной конференции. При анализе протокола заседания ПНК бросаются в глаза две полярные точки зрения членов комитета на проблему отношений с Литвой: включение Литвы в состав Польши (Р. Дмовский) либо создание федерации с Литвой, наделение ее правами автономии (А. Суйковский). Последней точки зрения придерживался и «начальник государства» Ю. Пилсудский⁷.

Сами участники заседания признавали, что «в этой очень широкой кампании самым запутанным является вопрос Вильно»⁸. Члены комитета были настроены по отношению к Литве достаточно враждебно и даже с некоторым пренебрежением, что являлось следствием частой смены литовских правительств и тех сил, которые стояли у власти. Суйковский говорил: «Что касается договора с литовцами... приезжает некто г-н Вальдемарас, который начинает переговоры. Потом приезжает другой господин, который доказывает, что г-н Вальдемарас неизвестно откуда взялся; так и снова может приехать кто-то другой, который легко докажет, что его предшественник является платным немецким агентом»⁹. Еще одно характерное высказывание на эту тему Р. Дмовского: «Для федерации прежде всего необходима способность к компромиссу. Я смело утверждаю, что нет в Европе населения менее способного к этому, чем Литва...»¹⁰. По вопросу о принадлежности Вильно на заседании победила точка зрения Р. Дмовского: «Мы могли бы договориться с литовцами только в том случае, если бы признали литов-

⁷ См.: *Ajnenkiel A.* Op. cit. S. 149.

⁸ *Документы и материалы по истории советско-польских отношений.* М., 1964. Т. 2. С. 134.

⁹ Там же. С. 140.

¹⁰ Там же. С. 136.

скими такие территории, которые мы таковыми признать НИКАК НЕ МОЖЕМ...»¹¹. Это была принципиальная позиция польского руководства.

На конференции в столице Франции присутствовала также и делегация литовского правительства (Тарибы). Она составила свои «Литовские требования на Парижской мирной конференции» и представила их 24 марта 1919 г. Литовская делегация требовала восстановления независимого национального государства в границах Вильнюсской, Каунасской, Гродненской, Сувалкинской губерний, а также областей бывшей русской Курляндии и литовской части Восточной Пруссии¹². Это противоречило запросам и чаяниям польской делегации. В разрешении этого спора решающую роль могли бы сыграть великие державы, однако вопрос не был решен, поскольку между самими странами Антанты также существовали противоречия. С одной стороны, строились планы создания сильной Польши в противовес России и Германии, и образование независимого литовского государства не входило в эти планы. Но с другой стороны, державы боялись, что Литва может начать полномасштабную войну против Польши за Вильнюсский край, а это, в свою очередь, отвлечёт Польшу от борьбы с Советской Россией.

Судя по некоторым документам, сами представители Литовской Тарибы, несмотря на свои требования, не верили в возможность существования полностью независимой Литвы. Например, один из лидеров Тарибы М. Слежявичюс считал, что «при известных условиях мы могли бы предложить Англии взять нас под свой протекторат»¹³. В Париже проблему Вильнюсского края решить не удалось.

Тогда Польша и Литва сделали попытку самостоятельно договориться о судьбе этих территорий. Весной и летом 1919 г. сначала в Варшаве, а затем и в Каунасе прошли двусторонние польско-литовские переговоры. И. Падеревский 25 апреля 1919 г. получил из Варшавы телеграмму о ходе переговоров: «Вначале литовцы сделали формальное заявление о том, что город Вильно должен быть признан столицей Литвы, но Врублевский и Грабский потребовали не поднимать в настоящий момент этого вопроса»¹⁴. Во время весенних переговоров у литовской стороны еще сохранялась надежда, что договориться удастся. Об этом свидетельствует пред-

¹¹ Документы и материалы... С. 139.

¹² См.: *Навицкас К.В.* Указ. соч. С. 50.

¹³ *Борьба за советскую власть в Литве: Сб. документов.* Вильнюс, 1967. С. 113.

¹⁴ *Документы и материалы.* Т. 2. С. 220.

писание командира отдельной бригады литовской армии Настопки командиру паневежского отдельного батальона от 26 апреля 1919 г.: «Если встретитесь с польскими войсками – не стрелять и быть вежливыми, но ни в какие переговоры не вступать, т. к. это дело правительства»¹⁵. Однако переговоры были провалены из-за бескомпромиссных позиций обеих делегаций.

Летом 1919 г. вопрос также решен не был. В письме к посланнику Польши Станишевскому премьер-министр литовского правительства М. Слежявичюс заявил, что единственным условием для проведения дальнейших переговоров является признание Польшей независимости Литвы со столицей в Вильно¹⁶. Такое условие было неприемлемым для польской стороны, несмотря на заинтересованность Польши в привлечении Литвы к военному союзу, направленному против Советов.

Таким образом, именно вопрос о принадлежности Вильнюса стал камнем преткновения в отношениях двух стран. Обе стороны не были готовы к компромиссу. Неуступчивость литовского правительства и агрессивные действия польской стороны надолго охладили отношения двух стран, и образовавшаяся полоса отчуждения была частично преодолена ими лишь во второй половине 1930-х гг., что было связано с нарастанием угрозы возникновения новой мировой войны.

Ковалёва Мария Анатольевна – студентка 4-го курса исторического факультета РГУ им. И. Канта.

¹⁵ См.: *Борьба за советскую власть...* С. 273.

¹⁶ См.: *Документы и материалы*. Т. 2. С. 254.

Р.В. Молчанов

Польско-литовский конфликт 1926 г. и позиция Великобритании

Взаимоотношения Польши и Литвы в период между двумя мировыми войнами можно охарактеризовать как напряженные вследствие спора из-за Вильно и прилегающих территорий. Начало этому затянувшемуся на два десятилетия конфликту было положено еще во время советско-польской войны.

В июле 1920 г. части Красной армии в ходе боевых действий заняли Виленскую область¹. В результате советско-литовских переговоров, завершившихся признанием независимости Литвы и подписанием 12 июля мирного договора, РСФСР признала Вильно и прилегающие территории частью литовского государства². За день до этого советские представители в Англии получили ноту лорда Керзона с предложением об условиях перемирия между Польшей и Советской Россией, в которой подтверждался отказ Польши от претензий на литовские земли. Однако 9 октября 1920 г. польский генерал Желиговский выбил литовские войска из Вильно, и спорная территория перешла под контроль Польши. Два государства оказались в состоянии войны, которая продолжалась до 10 декабря 1927 г.³

В Рижском мирном договоре, заключенном по итогам советско-польской войны, выражалось согласие РСФСР с переходом Вильно под польский контроль, но оговаривалось, что «вопрос о принадлежности этих территорий к одному или другому из названных государств подлежит разрешению исключительно между Польшей и Литвой»⁴.

Интерес к разрешению польско-литовского территориального спора проявляла не только Советская Россия, но и Совет Лиги Наций, где в сентябре 1921 г. появился проект представителя Бельгии Гиманса, идея которого сводилась к предоставлению Виленской области автономии, но в пределах единой польско-литовской

¹ См.: Мельтохов М. Советско-польские войны. М., 2004. С. 113.

² См.: Карельский Ю. Прибалтийские станы и переговоры о гарантийном договоре // Мировое хозяйство и мировая политика. 1926. № 7—8. С. 4.

³ См.: Внешняя политика Вольдемараса и виленский конфликт // Мировое хозяйство и мировая политика. 1928. № 1. С. 50.

⁴ Цит. по: Системная история международных отношений. 1918 — 2000 / Под ред. А.Д. Богатурова. М., 2000. Т. 2. С. 60.

федерации⁵. Совершенно очевидно, что подобный проект не мог найти понимания у литовских властей. В этой ситуации Лигой был предложен «стандартный» метод для определения государственной принадлежности спорной территории, а именно плебисцит, который был проведен 8 января 1922 г. По его результатам, впрочем, не признанным Литвой, Виленская область была передана Польше⁶.

В феврале 1923 г. литовское правительство заявило о непризнании примирительной процедуры Лиги Наций и потребовало консультативного мнения Международного суда, но Совет Лиги спешно передал спорный вопрос на рассмотрение конференции послов, которая 15 марта 1923 г. подтвердила вхождение Виленской области в состав Польши⁷.

Рецидив конфликта возник в 1926 г. К этому времени отношения между двумя соседями оказались заморожены. Как писал в эти дни литовский журнал «Летува», стороны просто отказывались «сидеть друг с другом за одним столом»⁸.

В январе – феврале 1926 г. в Лондоне, Париже, Берлине и Риме развернулись получившие широкий резонанс в прессе дискуссии вокруг требования Польши о предоставлении ей места постоянного члена Совета Лиги Наций⁹. Этот вопрос должен был решиться на мартовской сессии Лиги Наций. Как сторонники, так и противники удовлетворения требований поляков приводили весомые аргументы в свою пользу. К концу февраля эти споры достигли точки кипения. В результате для литовского правительства возникла уникальная ситуация обратить внимание великих держав на проблему Вильно, и оно не замедлило этим воспользоваться. Уже 22 февраля появились сведения об инцидентах на польско-литовской границе¹⁰, а 24 февраля польские газеты сообщили о вооруженных столкновениях в Тракайском уезде и обвинили литовскую сторону «в попытке снова поставить перед Лигой Наций вопрос о Виленщине»¹¹. Наконец 25 февраля Литва отреагировала на сообщения польской прессы. Литовское телеграфное агентство заявило, что «еще в начале февраля появились слухи о том, что

⁵ См.: *Войгойин Э.* Pour un Locarno nord-oriental // *Международная жизнь.* 1928. № 7. С. 73—74.

⁶ См.: *Системная история международных отношений...* Т. 1. С. 118—119.

⁷ См.: *Илюхина Р.М.* Лига Наций. 1919-1934. М., 1982. С. 154—155.

⁸ *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).* Ф. 4459. Телеграфное агентство Советского Союза. Оп. 2. Д. 14. Л. 17.

⁹ См. там же. Д. 32. Л. 11.

¹⁰ См. там же. Л. 483.

¹¹ Там же. Л. 528.

новый польский военный министр Желиговский готовит нападение на Литву, которое развернется по направлению на Ковно. 17 февраля поляки действительно напали на лес, находящийся между деревнями Кисехеблутой и Подгаем, но литовской пограничной полицией удалось восстановить положение»¹².

Между тем реакция на эти события в Европе была явно не в пользу Литвы. Франция традиционно поддержала Варшаву. У Германии были собственные территориальные претензии к Литве, касающиеся Мемеля. Лондон же еще в начале февраля заявил об изменении своей позиции в польско-литовском вопросе в пользу Варшавы¹³. В итоге 19 марта Совет Лиги Наций вынес по поводу вооруженного конфликта на польско-литовской границе решение, в котором констатировал, «что польские войска не вторгались на территорию Литвы, а лишь оттеснили без стрельбы перешедшие границу литовские войска»¹⁴.

Дальнейшее развитие польско-литовского конфликта было связано с заключением советско-литовского договора о дружбе и нейтралитете. Будучи исключён из европейской договорной системы, Советский Союз пытался решить проблему собственной безопасности путем урегулирования отношений со всеми государствами, имеющими с ним общую границу. Решение этой задачи Москва видела в подписании серии двусторонних договоров о ненападении и нейтралитете со всеми своими соседями. Еще в начале 1926 г. Советский Союз предложил Польше заключить договор подобного рода¹⁵, но, как отмечал посол Польши в СССР Кентжинский, Варшава могла пойти на этот шаг, только «соединив польско-советский пакт с какими-либо обязательствами СССР по вопросу о балтийских государствах»¹⁶. По сути, речь шла не о двустороннем договоре, а о коллективном договоре СССР, с одной стороны, и Польши, Финляндии и балтийских государств – с другой. Такая позиция польского руководства не могла удовлетворить Москву, видевшую в ней, по выражению члена коллегии НКВД СССР Стомонякова, «проявление прежней враждебной нам тенденции образовать против нас военный блок государств от Северного до Черного морей»¹⁷. К маю 1926 г. в ходе переговоров были выработаны две концепции обеспечения безопасности на советской западной границе: «непосредственное соглашение о нейтралитете с одной

¹² См.: ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 2. Д. 14. Л. 546.

¹³ См.: *Documents on British Foreign Policy*. Ser. 1a. Vol. 1. L., 1966. P. 758.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 4459. Д. 34. Л. 373.

¹⁵ См.: *Документы внешней политики СССР*. М., 1964. Т. 9. С. 58-59.

¹⁶ Там же. С. 104.

¹⁷ Там же. С. 290.

Польшей или польско-советско-балтийская комбинация»¹⁸. Таким образом, речь шла уже не о заключении договора Москвы с целым рядом стран под эгидой Варшавы, но о форме коллективного договора всех заинтересованных государств.

Следует учитывать и позицию Литвы. Для Каунаса попытки Варшавы поставить под контроль внешнюю политику балтийских лимитрофов означали окончательное решение виленского вопроса в пользу Польши. Поддержав польский проект коллективного договора, литовское руководство теряло естественного союзника в лице СССР и оказывалось один на один с территориальными претензиями со стороны Варшавы.

В итоге, благодаря существованию проблемы Вильно, у Москвы и Каунаса обозначился общий подход к видению системы безопасности в Прибалтике, что не замедлило проявиться на деле.

Двадцать восьмого сентября 1926 г. в Москве был подписан советско-литовский договор о дружбе и нейтралитете¹⁹. Подписание документа вызвало определенный резонанс в Варшаве. Во-первых, это затруднило претворение в жизнь польской концепции о единой политике по отношению к СССР Польши и балтийских государств. Во-вторых, в первой статье договора речь шла о том, что договор от 12 июля 1920 г. является основой взаимоотношений двух стран и все его постановления «сохраняют всю свою силу и неприкосновенность»²⁰. Следует напомнить, что по прежнему договору Москва признавала Вильно и прилегающие территории частью Литвы.

Особое раздражение у польского руководства вызвал обмен нотами между советским и литовским правительствами после заключения договора. В ноте Чичерина на имя министра иностранных дел Литвы Миколаса Сляжевичиуса указывалось, что «союзное правительство заявляет, что фактическое нарушение литовских границ, имевшее место против воли народа», не признается Советским Союзом²¹. Такая формулировка, по мнению Варшавы, ставила под сомнение Рижский трактат 1921 г.²², но МИД СССР аргументировал свою позицию тем, что соглашения по виленскому вопросу, заключенного между Польшей и Литвой, не существует, а раз нет такого соглашения, то нельзя считать проблему Вильно решенной и Советский Союз имеет право на «свое мнение по этому вопросу»²³.

¹⁸ *Документы внешней политики СССР*. С. 127.

¹⁹ См.: *Внешняя политика СССР*. М., 1945. Т. 3. С. 81-82.

²⁰ Там же. С. 81.

²¹ Там же. С. 82.

²² *Документы внешней политики СССР*. Т. 9. С. 454-461.

²³ Там же. С. 458.

Интересно, что в то же время министр иностранных дел Польши А. Залеский в беседе с послом Великобритании охарактеризовал советско-литовский договор как не имеющий фактического значения и указал, что договор «никак не повлиял на отношения с Литвой»²⁴. И это заявление соответствовало действительности. Позиция СССР по Вильно была известна и до заключения договора. Советский Союз опасался создания антисоветского блока на своих западных границах и усиления влияния Англии в Прибалтике, особенно после прихода к власти в Польше Юзефа Пилсудского. Польское руководство понимало эти опасения²⁵, но на стороне Польши было решение по виленскому вопросу Лиги Наций, членом которой являлась и Литовская Республика.

Залеский советовал британскому правительству «воспринимать эту демонстрацию российского раздражения спокойно» и ограничиться выговором Литве на конференции послов, призвав ее к уважению решений Лиги Наций²⁶.

Важно то, что Варшава так спокойно отреагировала на заключение советско-литовского договора только после активных консультаций с Лондоном. Четвёртого октября 1926 г. министр иностранных дел СССР Литвинов направил представителю СССР в Великобритании Красину указание выяснить позицию британского руководства по договору. При этом Красину рекомендовалось указать Чемберлену на недопустимость поддержки каких бы то ни было агрессивных намерений Пилсудского, для которого «достаточно будет малейшего поощрения Англии, чтобы ринуться в авантюру»²⁷. После обмена письмами с Варшавой²⁸ Чемберлен 11 октября сообщил Красину, что «никаких агрессивных действий со стороны Польши по отношению к Литве предпринято не будет... маршал Пилсудский не предпримет никакого сколько-нибудь решительного и рискованного шага, не получив на то предварительно санкции со стороны Франции и Великобритании»²⁹.

Двадцатого октября 1926 г. Польша поставила виленский вопрос на конференции послов. Конференция подтвердила свое решение от 15 марта 1923 г., объявившее Вильно частью польского государства. На этом конфликт был исчерпан.

Развитие польско-литовского конфликта в 1926 г. продемонстрировало усилившуюся зависимость внешнеполитической линии

²⁴ *Documents on British Foreign Policy*. Ser. 1a. Vol. 2. L., 1968. P. 428—429.

²⁵ См.: *Ibid.* P. 429.

²⁶ *Ibid.*

²⁷ *Документы внешней политики СССР*. Т. 9. С. 479.

²⁸ См.: *Documents on British Foreign Policy*. Ser. 1a. Vol. 2. P. 428—429, 435—436.

²⁹ *Документы внешней политики СССР*. Т. 9. С. 505.

Польши от позиции Великобритании, которая стала проявляться вскоре после подписания Локарнских соглашений в октябре 1925 г.³⁰ Уже к моменту подписания советско-литовского договора в Москве рассматривали Пилсудского как прямого ставленника Англии³¹, это отчетливо проявилось в дипломатической переписке между Лондоном, Варшавой, Москвой и Каунасом в октябре 1926 г. Действительно, после Локарно и прихода к власти в Польше Юзефа Пилсудского традиционная ориентация Польши на Францию стала меняться на усиление британского фактора во внешней политике Польши³². Для Варшавы теперь необходимо было согласовывать свои действия на международной арене с позицией Англии и прежде всего по отношению к Советскому Союзу.

Молчанов Роман Валерьевич – аспирант кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта.

³⁰ См.: *Боровский В.* Внешняя политика Польши // *Мировое хозяйство и мировая политика.* 1928. № 8-9. С. 86.

³¹ См.: *Боровский В.* К десятилетию Польской республики // *Международная жизнь.* 1928. № 12. С. 36.

³² См.: *II Rzeczpospolita między wojnami / Pod redakcją A. Łuczaka i A. Skrzypka.* Warszawa, 1986. S. 37.

Е.Ю. Чернышёв**Уинстон Черчилль и польский вопрос
в годы Второй мировой войны**

Польский вопрос, казалось бы, окончательно решенный в результате Первой мировой войны, оставил за собой длинный шлейф проблем, которые долгое время негативно влияли на состояние европейской безопасности. Среди тех политиков, которые склонны были хотя бы отчасти винить самих поляков в таком положении, был и признанный лидер британской нации Уинстон Черчилль. «Героические черты характера польского народа не должны заставлять нас закрывать глаза на его безрассудство и неблагодарность, которые в течение ряда веков причиняли ему неизмеримые страдания, - писал он в своих мемуарах о Второй мировой войне. - Нужно считать тайной и трагедией европейской истории тот факт, что народ, способный на любой героизм, отдельные представители которого талантливы, доблестны, обаятельны, постоянно проявляет такие огромные недостатки почти во всех аспектах своей государственной жизни. Слава в периоды мятежей и горя; гнусность и позор в периоды триумфа. Храбрейшими из храбрых слишком часто руководили гнуснейшие из гнусных! И все же всегда существовали две Польши: одна из них боролась за правду, а другая пресмыкалась в подлости»¹.

После уничтожения Чехословакии Великобритания заверила Польшу, что в случае военной опасности придет ей на выручку. Черчилль прекрасно понимал, что поляки стремились уравновесить нацистскую Германию большевистской Россией, их мучил страх перед могучими соседями. Но все же Черчилль настаивал на «союзнических отношениях между Польшей и Россией». Газета «Таймс» интерпретировала английские гарантии как обязательство защищать «независимость» Польши, но не «каждый дюйм её нынешних границ»². Тогдашний английский премьер-министр Чемберлен негласно придерживался именно такой позиции. Черчилль публично назвал такой подход мерзким.

Между тем уже в ходе войны Черчилль не собирался предоставлять Польше карт-бланш, стараясь держать польское правительство под контролем, и потому часто давал повод для обвинений в

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1: Надвигающаяся буря. М., 1997. С. 151—152.

² Роуз Н. Черчилль. Бурная жизнь. М., 2004. С. 314—315.

неоднозначности своей позиции. Польско-британский договор 1939 г. был направлен исключительно против Германии, не гарантировал сохранения границ, и в нем всего лишь заявлялось о «польском суверенитете», что представляется очень двусмысленным и ни к чему не обязывающим определением. Великобритания утверждала, что Польша может решить проблему границ с СССР с помощью двусторонних переговоров³. Черчилль неоднократно обращал внимание премьера польского эмиграционного правительства В. Сикорского на то, что все будет зависеть от соотношения сил в конце войны. А с 1942 г. англичане уже давали понять СССР, что граница с Польшей, установленная по советско-германскому соглашению от 28 сентября 1939 г., вполне приемлема для них.

На фоне ухудшения отношений с эмиграционным польским правительством СССР стали предприниматься меры к созданию органа, лояльного Кремлю, который стал бы выступать от имени поляков, проживающих в СССР. Во второй половине февраля 1943 г. Сталин в беседе с В. Василевской, Г. Минцем и В. Грошем дал добро на создание Союза польских патриотов и подготовку к формированию польских воинских соединений. Восьмого мая 1943 г. ГКО СССР принял решение о формировании на территории СССР польской пехотной дивизии под командованием З. Берлинга⁴. А вывод в Иран Армии Андерса, сформированной ранее при поддержке советского правительства, оказался только на руку сталинскому режиму.

Ещё больше обострило ситуацию германское сообщение от 13 апреля 1943 г. об обнаружении в Катынском лесу около Смоленска массовых захоронений польских офицеров, расстрелянных весной 1940 г. Правительство Сикорского, опасаясь роста недовольства в армии, обратилось в Международный Красный Крест с просьбой расследовать гибель польских офицеров в Катыни и даже подумывало о том, чтобы отозвать своего посла из Москвы⁵. Черчилль и Иден решительно возражали против обращения Сикорского в Международный Красный Крест, так как этот шаг, по их утверждению, нанес бы ущерб единству антигитлеровской коалиции. Одновременно Сталин известил Черчилля, что «правительство Си-

³ См.: *Czechoslovak-Polish negotiations of the establishment of Confederation and Alliance 1939-1944. Czechoslovak diplomatic documents. Prague, 1995. S. 10.*

⁴ См.: *Лебедева Н.С.* Армия Андерса в документах советских архивов [Электронный ресурс]. www.memo.ru/history/polacy/leb.htm. (Время последнего доступа - 21. 03. 2006.)

⁵ См. там же.

корского не только не дало отпора подлой фашистской клевете на СССР, но даже не сочло нужным обратиться к Советскому Правительству с какими-либо вопросами или за разъяснениями по этому поводу». Далее Сталин, обвинив Сикорского в сговоре с немцами, сообщил о решении советского правительства прервать отношения с эмигрантским правительством Польши⁶.

Двадцать четвёртого апреля Черчилль писал Сталину: «Мы, конечно, будем энергично противиться какому-либо “расследованию” Международным Красным Крестом или каким-либо другим органом на любой территории, находящейся под властью немцев. Подобное расследование было бы обманом, а его выводы были бы получены путем запугивания... Мы также никогда не одобрили бы каких-либо переговоров с немцами или какого-либо рода контакта с ними, и мы будем настаивать на этом перед нашими польскими союзниками... Положение Сикорского весьма трудное. Будучи далеким от прогерманских настроений или от сговора с немцами, он находится под угрозой свержения его поляками, которые считают, что он недостаточно защищал свой народ от Советов. Если он уйдёт, мы получим кого-либо похуже. Поэтому я надеюсь, что Ваше решение “прервать” отношения следует скорее понимать в смысле последнего предупреждения, нежели в смысле разрыва, а также что оно не будет предано гласности, во всяком случае, до тех пор, пока не будут испробованы все другие планы. Публичное же сообщение о разрыве принесло бы величайший возможный вред в Соединенных Штатах, где поляки многочисленны и влиятельны»⁷.

В послании 25 апреля Черчилль вновь просил Сталина «оставить мысль о каком-либо перерыве отношений», сообщая о результатах беседы министра иностранных дел Идена с генералом Сикорским, которые должны были умерить недовольство Москвы⁸.

Под давлением Черчилля генерал Сикорский не настаивал на вмешательстве Международного Красного Креста и фактически отозвал свою просьбу. В последующих своих посланиях Сталину Черчилль назвал решение Сикорского «ошибочным» и настоятельно предлагал Сталину восстановить отношения с Польшей, установленные 30 июля 1941 г. Он обещал «навести порядок» в польской прессе в Англии и воспрепятствовать полемике по катынско-

⁶ См.: *Переписка* Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: В 2 т. 2-е изд. М., 1980. Т. 1. С. 119—120.

⁷ Там же. С. 143.

⁸ См. там же. С. 145.

му вопросу во имя единства стран антигитлеровской коалиции⁹. Но в ответной ноте Сталин, обвинив британское правительство в отсутствии противодействия готовящейся антисоветской кампании, заявил, что не верит в возможность «навести дисциплину в польской прессе», и подтвердил свое решение о разрыве отношений с правительством Сикорского. Официально об этом Молотов заявил польскому послу в Москве М. Роммеру 26 апреля 1943 г., и 5 мая посол покинул Советский Союз¹⁰. Через несколько дней советское правительство разрешило сформировать в СССР новую польскую дивизию под командованием подполковника З. Берлинга.

После Сталинграда стремление Сталина не допустить появления на советских западных границах любого потенциально сильного государства или группы государств обрело реальную перспективу. Это особо касалось Польши, которая была для Сталина «ключом к советской безопасности». Характеризуя эволюцию его курса, Г. Киссинджер отметил: «В 1941 году он просил лишь признания границ 1941 года (допуская возможность их корректировки) и выражал готовность признать базирующихся в Лондоне свободных поляков. В 1942 году — стал предъявлять претензии по поводу состава польского правительства в изгнании. В 1943 году — создал ему альтернативу в виде так называемого Свободного Люблинского комитета. К концу 1944 года он признал Люблинскую группу, возглавляемую коммунистами, и отверг лондонских поляков. В 1941 году главной заботой Сталина были границы; к 1945 году ею стал политический контроль над территориями, находящимися за пределами этих границ»¹¹. И разрыв отношений с правительством Сикорского логично вытекал из этой линии Сталина.

На протяжении всего этого периода Черчилль стремился убедить поляков «перенести спор с мертвых на живых и с прошлого на будущее»¹². В своей беседе с генералом Сикорским в начале апреля в ответ на слова о существовании массы доказательств того, что польские офицеры были убиты советскими властями, британский премьер сказал: «Если они мертвы, вы ничего не сможете сделать, чтобы их воскресить»¹³. Его позиция определялась следую-

⁹ См.: *Семиряга М.И.* Тайны сталинской дипломатии. М., 1992. С. 142.

¹⁰ См.: *Переписка* Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. М., 1958. Т. 1. С. 126—127.

¹¹ *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997. С. 371.

¹² *Секретная переписка* Рузвельта и Черчилля в период войны. М., 1995. С. 379.

¹³ *Черчилль У.* Вторая мировая война: В 3 кн. Кн. 2. М., 1991. С. 634.

щим его заявлением советскому послу Майскому, доказывавшему мнимую несостоятельность обвинений: «Мы должны разбить Гитлера, и сейчас не время для ссор и обвинений»¹⁴.

Двадцать первого марта 1943 г. Черчилль выступил по радио. Говоря о судьбе Центральной Европы, он высказался за создание Балканской и Дунайской федераций, даже не упомянув о польско-чехословацкой конфедерации, создание которой он считал ранее наиболее подготовленным¹⁵. В беседе с Бенешем 3 апреля Черчилль сообщил, что в принципе по-прежнему симпатизирует идее польско-чехословацкого объединения. Однако сейчас прежде всего необходимо, чтобы Польша согласилась на территориальные уступки советской стороне в обмен на Восточную Пруссию и часть Верхней Силезии. Черчилль ожидал, что СССР выйдет из войны сильным и предъявлять ему территориальные претензии сейчас просто бессмысленно, поэтому первоочередной задачей является поддержание дружеских отношений между СССР, США и Великобританией, а все остальное должно следовать этой цели и не противоречить ей¹⁶.

Главным политическим вопросом Восточной Европы оставался польский вопрос. В частном порядке Рузвельт и Черчилль в общем согласились со Сталиным относительно устраивавшей его границы с Польшей. Но был еще и вопрос о легитимном польском правительстве. Польское правительство в изгнании добивалось посредничества Лондона и Вашингтона для переговоров с Москвой по этому вопросу. Молотов заявил, что переговоры возможны только с «улучшенным польским правительством»¹⁷.

Даже Черчилль, опасавшийся советской гегемонии в Восточной Европе гораздо больше, чем Рузвельт, не собирался портить отношения со Сталиным из-за восточной границы Польши. Он поддерживал Сталина в своих беседах с представителями польского правительства в Лондоне. Единственное, чего Черчилль справедливо боялся, так это того, что Москва сама радикально «улучшит» правительство Польши. Именно из-за этого он оказывал давление на сменившего погибшего в авиакатастрофе в 1943 г. Сикор-

¹⁴ Черчилль У. Указ. соч. С. 635-636.

¹⁵ См.: *Historia dyplomacji polskiej*. Warszawa, 1999. Т. 5. S. 394.

¹⁶ См.: *Extract from the minutes of E. Benes's conversation with W. Churchill // Czechoslovak-Polish negotiations of the establishment of Confederation and Alliance 1939-1944. Czechoslovak diplomatic documents. Prague, 1995. S. 317.*

¹⁷ *НОФМО - Системная история международных отношений 1918-1945 [Электронный ресурс]. www.obrafozum.ru (Время последнего доступа - 21.03.2006.)*

ского нового польского премьера С. Миколайчика, склоняя его к большей сговорчивости. Однако польское правительство не собиралось сдаваться именно тогда, когда советские войска вступали в Польшу. Сталина такая неуступчивость только радовала.

В мае — июне 1944 г. состоялись тайные советско-польские переговоры в Лондоне. Советская сторона настаивала на признании «линии Керзона» и на обновлении польского правительства за счет включения в него «демократических», т. е. просоветских сил. От польского правительства требовали также отказаться от обвинений в адрес СССР по поводу Катыни. Черчилль в основном поддержал эти требования. «Ради Польши мы объявили войну... но мы никогда не брали на себя обязательства защищать существующие польские границы», - написал он Идену в январе 1944 г. После двух войн и потери «от 20 до 30 миллионов русских жизней», продолжал он, Советский Союз заслужил «право на нерушимую безопасность своих западных границ». Если поляки не могут этого понять, Британия умывает руки, «полностью выполнив все свои обязательства... нас может утянуть в события, из которых будет трудно выбраться»¹⁸. Намек был весьма прозрачным.

Между тем на освобожденной польской территории в Люблине 21 июля 1944 г. появилось созданное по указу Сталина новое правительство – Польский комитет национального освобождения (ПКНО), названный на Западе «люблинским комитетом». Сталин заявил, что советские войска не нашли более никакой политической силы, способной заниматься гражданским управлением, а 3 — 4 августа принял Миколайчика в Москве, предоставив ему самому вести переговоры с ПКНО. Представитель последнего Болеслав Берут потребовал создания нового польского правительства, в котором 14 портфелей отдавались бы ПКНО и только 4 — правительству в изгнании. Эти требования, разумеется, были неприемлемы.

В польском вопросе Черчилль пошел на уступки Сталину. Польша была слишком болезненной проблемой, чтобы включать ее даже в «процентный» торг. Сталин убедил Черчилля в необходимости осуществить перестановки в эмиграционном правительстве для успешных переговоров с ПКНО. Он заверил Черчилля, что прекращение наступления на Варшаву в период восстания объяснялось чисто военными причинами. Черчилль добился согласия Сталина на участие правительства Миколайчика в переговорах о Польше. Польские представители спешно вылетели в Москву.

Трёхсторонние советско-британско-польские переговоры начались 13 октября 1944 г. Сталин твердо настаивал на признании

¹⁸ Цит. по: Роуз Н. Указ. соч. С. 390—391.

«линии Керзона» как границы между СССР и Польшей. Черчилль Сталина поддержал. Четырнадцатого октября Черчилль и Иден заявили Миколайчику и его коллегам, что у польского правительства никогда больше не будет такой уникальной возможности договориться с Москвой, и пригрозили в случае неуступчивости поляков изменить отношение британского кабинета к правительству Миколайчика. Черчилль в порыве откровенности заявил, что великие державы второй раз на протяжении жизни одного поколения проливают кровь за Польшу, и поэтому не могут позволить втянуть себя во внутреннюю польскую склоку.

Патриотическая мотивация, выдвинутая Миколайчиком, была с презрением отвергнута Черчиллем. По его словам, время, когда поляки могли позволить себе роскошь лелеять свой патриотизм, прошло. Черчилль пригрозил: «Если вы не примете эту границу, будете навсегда отлучены от дел». «Наши отношения с Россией, — пояснил он, — сейчас лучше, чем когда бы то ни было. И я намерен сохранить их такими». «Неужели я должен подписать себе смертный приговор?» — спросил Миколайчик. Спор накалялся. Черчилль взорвался: «Это безумие! Вы не можете победить русских!.. Вы хотите начать войну, в которой погибнут 25 миллионов человек! Русские раздавят вашу страну и уничтожат ваш народ... Если хотите воевать с Россией, мы предоставим вас самим себе. Вас надо поместить в сумасшедший дом!.. Вы ненавидите русских. Не уверен, что британское правительство будет продолжать признавать вас»¹⁹.

Ни к какому соглашению по Польше стороны в Москве не пришли. Миколайчик считал, что публичное признание им «линии Керзона» равносильно политическому самоубийству. Возвратившись в Лондон, он попытался получить гарантии суверенитета Польши у Великобритании и США, а также добиться согласия в рядах эмиграции. Лондон ответил, что такие гарантии будут даны Великобританией вместе с СССР и, возможно, с США. Рузвельт дать гарантии отказался, сославшись на то, что создаваемая международная организация будет следить за общей нерушимостью границ. Гарриман был готов попробовать еще раз убедить Сталина отдать Польше Львов, но Рузвельт при этом заявлял, что США признают границы, согласованные между СССР, Польшей и Великобританией.

Тридцать первого декабря 1944 г. ПКНО объявил себя польским правительством. Это произошло на фоне формирования в Лондоне нового, жёстко антисоветского кабинета Арцишевского. Черчилль толкал польское правительство в изгнании к компромис-

¹⁹ Диалог цитируется по: *Роуз Н.* Указ. соч. С. 393—394.

су, граничащему с капитуляцией, именно потому, что не хотел иметь дело с советским марионеточным правительством. Теперь он в резких выражениях отказался признать его. Сталина это не смутило, и 1 января 1945 г. он информировал Рузвельта, а 4 января — Черчилля, что СССР признал ПКНО в качестве временного правительства Польши. Западные державы не могли с этим согласиться.

Именно эти противоречия во взглядах союзников по антигитлеровской коалиции на польский вопрос и стали одной из причин созыва Ялтинской конференции. Дискуссия по польской теме доминировала на заседаниях, поскольку обе стороны считали, что решение этого вопроса определит характер будущих межгосударственных отношений и послевоенного соотношения сил. Черчилль, например, скрупулезно подсчитал, что в ходе переговоров три руководителя союзных стран использовали 18 000 слов при обсуждении именно польского вопроса²⁰. Настроенный по-боевому Черчилль пытался защищать право поляков на суверенитет, но его голос в этой ситуации уже не слишком много значил.

Отнимая у Польши издавна принадлежавшие ей восточные земли, Сталин хотел максимально отодвинуть ее границы на запад. Речь шла прежде всего о как можно большем продвижении вглубь Европы собственной сферы влияния. Он предложил линию западной границы Польши от Щецина (который становился польским) и далее по рекам Одер и Западная Нейсе. Поскольку это предложение не было однозначно принято Рузвельтом и Черчиллем, все участники согласились, что окончательное решение о прохождении западной границы Польши надо отложить до мирной конференции, которая должна будет учесть мнение нового польского правительства.

Дискуссию на тему формирования нового польского правительства Черчилль назвал «делом чести», заявляя, что был уступчив в отношении советских предложений в территориальной части, но взамен будет делать все, чтобы поляки чувствовали себя «хозяевами в собственном доме». Мнение Черчилля, что временное правительство не представляет «даже одной трети польского народа», было проигнорировано обоими его партнерами по переговорам, в том числе Рузвельтом²¹.

²⁰ См.: *Вечоркевич П.* Польский вопрос на Ялтинской конференции [Электронный ресурс]. www.novoenmenie.ru (Время последнего доступа — 19.03.2006.)

²¹ См. там же.

После дальнейших дискуссий, касавшихся, в частности, принципа свободных выборов (Сталин поначалу обещал, что они пройдут через месяц-два), компромисс именно в той форме, на какую рассчитывал Сталин, стал фактом.

Итоги Ялтинской конференции были отражены в коммюнике, в котором говорилось, что исполненные волей к созданию «сильной, свободной, независимой и демократической» Польши, руководители «Большой тройки» фактически согласились с советской концепцией «урегулирования» польского вопроса, скорректированной таким образом, чтобы ее приняло также американское и британское общественное мнение.

Отложенный вопрос о польской границе был поставлен уже на первом пленарном заседании Берлинской (Потсдамской) конференции. Советская делегация отстаивала западную польскую границу по Одру — Нейсе. Черчилль выразил сомнение, что Польша сможет спокойно перенести потерю такой большой территории. Польский вопрос, стоивший Черчиллю столько крови, был последним вопросом, который он обсуждал как премьер-министр Великобритании. Двадцать пятого июля он вместе с Иденом отбыл в Лондон, где на следующий день подал в отставку после объявленных результатов выборов: консервативная партия проиграла. Устранение Черчилля от дальнейших переговоров укрепило позиции Сталина в «польском вопросе» и способствовало реализации его целей в отношении Польши.

Чернышёв Евгений Юрьевич — аспирант кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. Канта.

В.А. Беспалов

Берлинская проблема и вопрос военного транзита

Специфика положения Калининградской области и её роль в выстраивании отношений между Россией и ЕС заставляют всё чаще проводить параллели с аналогичными историческими территориально-административными образованиями. К ним, в частности, можно отнести и Западный Берлин, известный своей ролью в возникновении и решении кризисных моментов между обоими лагерями «холодной войны». Одним из камней преткновения в выстраивании диалога между РФ и ЕС является вопрос транзита, особенно военного. Сходная ситуация с военным транзитом западных держав в Западный Берлин существовала в послевоенные годы.

Однако ни в немногочисленной современной российской, ни в советской историографии, посвящённой Берлинской проблеме, вопросу военного транзита почти не отводится места. За редким исключением данная проблема лишь вскользь упоминалась в ряде работ советских авторов (П.А. Николаев, А.А. Галкин и Д.Е. Мельников, В.Н. Высоцкий, Г. Кириллов и Ю. Ржевский, П.А. Абрассимов)¹.

Отсутствие исследований в СССР по этому довольно проблематичному в 1950—1960-е гг. аспекту берлинской проблемы, заслуживавшему гораздо большего внимания, чем ему уделялось в те годы, в некоторой степени было компенсировано специальными публикациями историков из ГДР², но для широкой публики они остались неизвестными.

Работы западных авторов³, напротив, посвящены не только подробнейшему рассмотрению данного вопроса, но и обоснованию

¹ См.: Николаев П.А. Политика США, Англии и Франции в германском вопросе. М., 1964; Николаев П.А. Политика Советского Союза в германском вопросе. М., 1966; Галкин А.А., Мельников Д.Е. СССР, Западные державы и германский вопрос. М., 1966; Высоцкий В.Н. Западный Берлин и его роль в системе современных международных отношений. М., 1970.; Кириллов Г., Ржевский Ю. Важный фактор разрядки в Европе: Четырёхстороннее соглашение по Западному Берлину. М., 1977. Абрассимов П.А. Западный Берлин вчера и сегодня. М., 1980.

² См.: Görner G. DDR gewährleistet friedlichen Westberlin-Transit. Berlin, 1969; Arzinger R., Walter P. Westberlin, selbständige politische Einheit. Berlin, 1965.

³ См.: Riklin A. Das Berlinproblem. Köln, 1964; Wetzlaugk U. Die Alliierten in Berlin. Berlin, 1988; Kuhn H.W. Die Regelung der Verkehrsverbindungen nach

юридических прав западных держав на свободный доступ в Западный Берлин.

Факт отсутствия таких работ в СССР следует, скорее, объяснять тем, что количество публикаций с той или иной стороны зависело от степени заинтересованности в муссировании данной темы как в СМИ, так и в дипломатической переписке между обоими лагерями «холодной войны». Если для Советского Союза вопрос о транзите, как военном, так и гражданском, был чисто техническим, то для западных держав - политическим. Необходимо отметить также, что некоторая юридическая недосказанность в определении статуса города явилась для западного мира поводом использовать различные спорные нюансы в договорах, определявших статус Берлина, для нагнетания кризисных ситуаций. Так западные державы отстаивали свои геополитические интересы в Центральной Европе путём своеобразного «вытеснения» СССР из данного региона. Результаты этих процессов демонстрируются всем ходом международных отношений в Европе как в те годы, так и – особенно явно – с конца 1980-х гг. до настоящего времени. Сжатие геополитических интересов современной России и полная ликвидация бывшего «пояса безопасности» в Центральной Европе отодвинуло далеко на восток, вглубь территории бывшего СССР линию давления западного мира, которая позволяет более эффективно склонять дипломатическое мнение России к решению тех или иных внешнеполитических вопросов. В результате появился и вопрос Калининградского анклава, со всеми вытекающими из данной ситуации последствиями.

Таким образом, в последние годы как с историографической, так и с геополитической точки зрения для российской исторической науки назрела необходимость исследования Берлинской проблемы.

В предлагаемой статье осуществляется попытка рассмотреть вопрос военного транзита для трёх западных держав в его исторической ретроспективе. Особое внимание уделяется вопросу юридического оформления данного вида передвижения западных союзников в первые послевоенные годы.

Для освещения этой проблемы помимо упомянутых работ привлекались следующие источники: мемуары политических и военных деятелей тех лет⁴, а также документы союзнических органов

Berlin 1945-1946 // Europa-Archiv. 1959. 14; Schröder D. Die Bedeutung der Berliner Rechte der Alliierten für den Zugang von Deutschen nach Berlin // Recht und Politik. 1969. H. 1.

⁴ См.: Clay L.D. Entscheidung in Deutschland. Fr. a/M, 1950; Lord Strang. Home and Abroad. London, 1956; Montgomery B. Memoiren. München, 1958;

власти в послевоенной Германии, опубликованные в сборниках, вышедших в ФРГ⁵ и ГДР⁶. Для рассмотрения переписки между лидерами западных держав и СССР и некоторых моментов позиций советского руководства в отношении берлинской политики делаются ссылки на сборники «Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.»⁷, «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами»⁸ и «СССР и германский вопрос. 1941-1949»⁹, который является совместной работой немецких и российских историков под общей редакцией Г. Кынина.

В статье использовался также ряд других работ как западных (английских и немецких)¹⁰, так и российских авторов, среди которых особенно хотелось бы выделить книгу «Поле битвы – Берлин»¹¹, написанную непосредственными участниками «холодной войны» в Берлине. Привлекалась также некоторая периодическая

Mosely Ph. E. The Occupation of Germany. New Light on How the Zones Were Drawn // Foreign Affairs. 1949/50. Vol. 28; The Papers of General Lucius D. Clay. Vol. 1. Bloomington-London, 1974; Truman H.S. Memoiren. Bd.1. Stuttgart, 1955; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 2 т. М., 2002; Черчилль У. Вторая мировая война: В 3 кн. М., 1991; Эйзенхауэр Д. Крестовый поход в Европу. Смоленск, 2000.

⁵ См.: *Dokumente zur Berlin-Frage: 1944-1966. Hrsg. vom Forschungsinstitut der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik, Bonn, in Zsarb. mit dem Senat von Berlin. München; Oldenbourg, 1967; Berlin. Quellen und Dokumente 1945 – 1951. Hbd. 1. Berlin, 1964.*

⁶ См.: *Dokumentation zur Westberlinfrage. Hrsg. vom Ministerium f. auswärtige Angelegenheiten d. DDR. Berlin, 1964.*

⁷ См.: *Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1989.*

⁸ См.: *Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XI. М., 1955.*

⁹ См.: *СССР и германский вопрос 1941-1949 = Die UdSSR und die deutsche Frage 1941-1949: Документы из архива внешней политики РФ: В 3 т. Ист.-док. департамент МИД России, Центр изучения новейшей истории в Потсдаме / Сост. Г.П. Кынин, Й.П. Лауфер. М., 2000.*

¹⁰ См.: *Smith J.E. The Defense of Berlin. Baltimore, 1963; Alle Macht geht vom Stadtkommandanten aus...: zum Besatzungsstatus von West-Berlin; Analysen, Berichte, Dokumente / Peter Bartke. Berlin (West), 1985; Geschichte Berlins. Bd. 2. Berlin, 2002; Keiderling G. Die Berliner Krise 1948/49. Berlin (West), 1982.*

¹¹ См.: *Бейли Дж., Кондрашев С., Мерфи Д. Поле битвы - Берлин. М., 2002.*

литература ФРГ, Западного Берлина¹² и журнал «Новая и новейшая история».

Сложный комплекс международных проблем во второй половине XX в., связанный с так называемой Берлинской проблемой, которая являлась частью более крупного международного вопроса – германского, можно разделить на две составные части:

а) вопрос о юридическо-правовом статусе города Берлин (Большого Берлина) и возникшего позже особого территориально-административного образования – Западного Берлина;

б) вопрос о системах сообщения Западного Берлина с внешним миром, т. е. вопрос о транзите через территорию другого государства (ГДР), который, в свою очередь, разделялся на военный транзит (для гарнизонов США, Великобритании и Франции) и гражданский транзит (для граждан Западного Берлина и ФРГ).

Разделение Берлина на оккупационные сектора было вызвано необходимостью размещения в нём после окончания Второй мировой войны центральных органов верховной союзной администрации для управления разгромленной фашистской Германией. Было символично, что столицу поверженного Третьего рейха великие державы решили сделать резиденцией Союзного контрольного совета (СКС).

В соответствии с протоколом Европейской консультативной комиссии¹³ в Соглашении между правительствами США, Великобритании и СССР «Об оккупационных зонах и управлении Большим Берлином»¹⁴ от 12 сентября 1944 г. указывалось, что «оккупация Большого Берлина будет осуществляться войсками СССР, США и Англии и с этой целью область Большого Берлина разделяется на 3 сектора»¹⁵. Для того чтобы обеспечить нормальную деятельность центральных контрольных органов для оккупируемого союзниками Берлина (который лежал в центре советской оккупационной зоны) на основе упомянутого Протокола ЕКК и Соглашения о контрольном механизме в Германии от 14 ноября 1944 г. определялся особый статус. Так как не существовало какого-либо единого сводного документа, который определял бы статус Берли-

¹² См.: «Die Welt»; «Der Spiegel»; «Tagesspiegel»; «Telegraf».

¹³ В ЕКК вопрос об оккупации Большого Берлина рассматривался с февраля по сентябрь 1944 г.

¹⁴ Административный термин «Большой Берлин» появился 27 апреля 1920 г. в соответствии с законом «Об образовании новой городской общины Берлина», на основе которого столица Веймарской республики была укрупнена присоединением к историческому центру Берлина всех близлежащих областей и посёлков (см.: *Geschichte Berlins*. Berlin, 2002. Bd. 2. S. 814-824).

¹⁵ *Сборник действующих договоров...* С. 55-56.

на, то особым (или четырёхсторонним¹⁶) статусом Берлина стали называть совокупность всех тех решений, которые были выработаны союзниками в ЕКК и в различных устных и письменных договорённостях между СССР и западными державами¹⁷.

Вследствие того, что СКС создавался для осуществления верховной власти в Германии на период её оккупации, а также с целью контроля за выполнением Потсдамских соглашений 1945 г., территория Берлина должна была рассматриваться как временно оккупируемая, т.е. до тех пор, пока не прекратится работа союзных контрольных органов.

Советский исследователь В. Высоцкий отмечает, что территориальная принадлежность Берлина к советской зоне являлась основной предпосылкой, из которой исходили стороны при решении вопроса о его статусе¹⁸. Именно поэтому ни в одном из соглашений нельзя найти какого-либо упоминания о том, что западные державы будут обладать в городе или в своих секторах верховной властью. Межсоюзные соглашения 1944 - 1945 гг., которые являлись юридической основой пребывания гарнизонов западных держав в своих секторах Берлина, давали этим государствам право лишь на совместное управление городом через специально создаваемую Межсоюзную комендатуру, что предусматривало *только административную ответственность их военных властей в западных секторах, но не больше*. Данное обстоятельство чётко прописано в статье 7 Соглашения о контрольном механизме в Германии:

а) для совместного управления районом Большого Берлина будет создана Межсоюзническая комендатура в составе трёх комендантов, по одному от каждой державы, назначаемых их главнокомандующими. Межсоюзническая комендатура будет возглавляться главным комендантом, обязанности которого будут выполняться поочерёдно каждым из комендантов.

б) При Межсоюзнической комендатуре из персонала каждой из трёх держав будет создан технический аппарат, структура которого будет отвечать задачам наблюдения и контроля за деятельностью местных органов «Большого Берлина», ведающих его городским хозяйством.

¹⁶ 1 мая 1945 г. к Соглашению от 14 ноября 1944 г. присоединилось Временное правительство Французской республики, которому в соответствии с решениями Ялтинской конференции 1945 г. выделялись зона оккупации Германии (за счёт зон Англии и США) и сектор оккупации в Берлине (за счёт британского сектора).

¹⁷ См.: *Высоцкий В.Н.* Указ. соч. С. 333.

¹⁸ См. там же. С. 335.

в) Межсоюзническая комендатура будет действовать под общим руководством Контрольного совета и получать приказы через Комитет по координации¹⁹.

В письме английского представителя в ЕКК лорда Стрэнга советскому представителю Ф.Т. Гусеву прямо подтверждалось, что «район Большого Берлина занимается совместно, а Межсоюзная комендатура создаётся только для его административного управления»²⁰. Летом 1945 г. вышло распоряжение британской военной администрации относительно сферы действия её законодательства, где в частности, говорилось: «Британский сектор Берлина не входит в неё»²¹.

О том, что западные державы расценивали в 1944 - 1945 гг. Берлин как часть советской зоны оккупации, говорит также то, что ещё в начале 1945 г. Рузвельт обсуждал с Эйзенхауэром предложение отказаться от совместной оккупации Берлина. Центральные же органы управления держав-победительниц предполагалось разместить в специально созданном нейтральном городе на стыке советской, американской и английской зон оккупации Германии в 25 км к югу от Гёттингена²².

Факт принадлежности Берлина к советской зоне был зафиксирован и в совместных четырёхсторонних документах. В приложении „А“ «Демократизация Берлина» к докладу СКС Совету министров иностранных дел, утверждённому на заседаниях 20 и 25 февраля 1947 г., зафиксировано: «Ввиду положения Большого Берлина, который является районом, оккупируемым совместно четырьмя державами (как это изложено в четырёхстороннем соглашении о зонах оккупации Германии), и в то же время является столицей советской зоны оккупации, берлинские центральные органы четырёх партий также служили в качестве центральных органов для партий советской зоны»²³.

Советские историки-международники Г. Кириллов и Ю. Ржевский определяют всю совокупность международных решений 1944 - 1945 гг. как *договор о цессии управления* (т. е. договорной уступке прав управления), позволявший войскам трёх держав с согласия СССР временно занять часть территории советской зоны оккупации и осуществлять на ней с некоторыми существенными условиями и ограничениями управленческие функции²⁴. В соответ-

¹⁹ См.: *Сборник действующих договоров...* С. 64-65.

²⁰ Цит. по: *Высоцкий В.Н.* Указ. соч. С. 336.

²¹ Цит. по: Там же. С. 337.

²² См.: *Die Welt.* 1961. 6 Dec.; *Der Spiegel.* 1967. № 7. S. 14.

²³ Цит. по.: *Кириллов Г., Ржевский Ю.* Указ. соч. С. 5.

²⁴ См. там же.

ствии с обычными правилами международного права, всякая цессия управления по существу не является цессией в полном смысле этого термина, поскольку cedent – СССР сохранял за собой право на осуществление верховной власти над своей зоной оккупации. Это подтверждается также тем, что железные дороги, проходившие через весь Берлин, метрополитен (U-Bahn), а также городская железная дорога (S-Bahn), которая являлась частью общей железнодорожной системы земли Бранденбург, входившей в советскую зону оккупации, находились под управлением советского командования, а позже – властей ГДР.

Таким образом, особый статус Большого Берлина не отрывал город от советской зоны оккупации, а рассматривал его как её составную, неотделимую часть.

В свою очередь, вопрос о доступе западных союзников в Берлин транзитом через советскую зону оккупации никогда не рассматривался на заседаниях ЕКК и не упоминался в официальной дипломатической переписке между союзниками в годы войны. Как западные державы, так и СССР обошли эту проблему стороной. Лорд Стрэнг в своих мемуарах пишет, что «ни британская, ни американская делегации не получали инструкций, чтобы поднять этот вопрос в ходе переговоров о зонах в Германии и секторах в Берлине»²⁵. Однако следует отметить, что американский представитель в ЕКК посол Дж. Вайнант, поддержанный своим заместителем Ф. Мосли, неоднократно обращался в Вашингтон с просьбой дать ему полномочия на ведение переговоров о транзите²⁶. Более того, как сообщает Мосли, Гусев в неофициальных беседах также часто заверял, что с советской стороны нет никаких препятствий для заключения соглашения о транзитном сообщении через советскую зону оккупации²⁷.

Некоторые западные историки (А. Риклин, Х. Кун и др.) высказывают несколько мнений относительно причин такого поведения западных держав: либо это следствие межведомственных нестыковок между государственным департаментом и военным министерством США (военные настаивали на том, что вопрос о доступе в Берлин – это дело их военных, а не дипломатов), либо просто недооценка Верховным командованием политической роли Берлина (генерал Эйзенхауэр в радиোগрамме Монтгомери незадолго до окончания войны сообщает, что Берлин для него – всего лишь «географическое понятие»), либо нежелание западных держав вообще ставить вопрос о свободном доступе на повестку дня в ЕКК

²⁵ Lord Strang. Op. cit., p. 215.

²⁶ См.: Mosely Ph. E. Op. cit. P.593.

²⁷ См.: Ibid.

из-за боязни возбудить советское недоверие и осложнить тем самым и без того трудные взаимоотношения. Вывод Риклина сводится к тому, что в период от Ялты до Потсдама все мысли государственных мужей были сосредоточены непосредственно на вопросах настоящего дня, связанных с поражением Германии, а всё касающееся послевоенного планирования рассматривалось как второстепенное²⁸.

Ханс Кун, в свою очередь, приводит более весомый аргумент, указывая, что причины такого поведения надо искать также и в тех разногласиях, которые существовали среди западных союзников в годы войны по поводу вопроса об оккупационных зонах и целях послевоенной политики в Германии и в Европе²⁹.

Такое объяснение кажется наиболее приемлемой, ибо известно, что Черчилль вплоть до весны 1945 г. выступал с критическими замечаниями в адрес правительства США по поводу преждевременного разграничения оккупационных зон в Германии. В телеграмме вице-президенту США Трумэну 1 апреля 1945 г. он писал: «Оккупационные зоны были определены несколько поспешно в Квебеке в сентябре 1944»³⁰.

Для британского правительства основной целью, невзирая на прежде взятые на себя обязательства, было как можно большее продвижение на восток, чтобы линия демаркации между войсками СССР и западных держав проходила в Европе как можно восточнее. По словам специального представителя президента США в Англии Д. Дэвиса, для Черчилля «сохранение позиций Англии в Европе было важнее, чем сохранение мира»³¹. Как отмечает академик А.С. Орлов, «при наступлении на Берлин главную роль играла бы 21-я (английская) группа армий Монтгомери, и взятие Берлина укрепило бы влияние Англии в Европе, тогда как США стремились главенствовать на европейском континенте, ограничив СССР рамками Восточной Европы, потеснив Англию в Западной»³².

Американская сторона понимала стремление Черчилля уменьшить влияние СССР в Европе. Это подтверждается созданием в марте – апреле 1945 г. американскими военными плана по совместному захвату англо-американскими воздушно-десантными вой-

²⁸ См.: *Riklin A.* Op. cit., S. 33.

²⁹ См.: *Kuhn H.W.* Op. cit. S. 451.

³⁰ Черчилль У. Указ. соч. С. 601.

³¹ Цит. по.: *Николаев П.А.* Политика США, Англии и Франции... С. 84.

³² Орлов А. С. Крушение «Третьего Рейха» // Новая и Новейшая история. 2005. №1. С. 10.

сками Берлина³³. Однако американское правительство занимало нерешительную позицию по вопросу нарушения взятых на себя договорённостей. Тот же Черчилль по этому поводу позже указывал в своих мемуарах, что «Вашингтону особенно следовало проявлять большую дальновидность и придерживаться более широких взглядов. Сейчас мы можем представить себе опасный пробел, образовавшийся в промежутке между периодом, когда убывали силы президента Рузвельта и росло понимание вице-президентом Трумэном обширной мировой проблемы. В этот печальный момент один президент не мог действовать, а другой не мог знать, как действовать. Ни военные начальники, ни государственный департамент не получали необходимого руководства»³⁴.

Ход боевых действий на советско-германском фронте весной 1945 г. показал руководству США нереальность взглядов Черчилля в сложившихся условиях. Но следует отметить, что факт присутствия войск западных союзников на территориях, которые должны были подвергнуться оккупации Красной армией, всё равно продолжал рассматриваться на Западе как предмет торга со стороны США и Великобритании не только за право бесконтрольного и неограниченного доступа западных союзников в свои сектора в Берлине, но и в деле урегулирования дальнейших вопросов по обустройству послевоенной Европы. Филипп Мосли позднее признавал, что оккупация заводов Цейса в Йене и ряда крупных предприятий в Саксонии и Тюрингии американскими войсками «давали США хорошую возможность для того, чтобы достичь выгодного урегулирования проблемы транзита в Берлин»³⁵. Черчилль же продолжал называть это обстоятельство последним «козырем»³⁶.

Таким образом, вопрос о доступе войск западных союзников в Берлин в конце войны и в первые недели после её завершения существовал в тесной связке с вопросом отвода войск западных союзников за демаркационные линии своих зон оккупации Германии.

Некоторые политические деятели, понимая, что без гарантий СССР на право доступа в Берлин в будущем может сложиться нездоровая ситуация с передвижением войск союзников через советскую зону, пытались склонить своё руководство к более активным действиям в этом направлении. Уже после капитуляции Германии, в середине мая 1945 г. Мосли подготовил проект договора о досту-

³³ Die Welt. 1966. 22 Marz; Tagesspiegel. 1966. 15 Nov.; Telegraf. 1963. 12 Nov.

³⁴ Черчилль У. Указ. соч. С. 573.

³⁵ Mosely Ph. E. Op.cit. S. 603.

³⁶ Черчилль У. Указ. соч. С. 646.

пе в Берлин англо-американских войск, который он передал в Лондоне одному из представителей Ставки союзных экспедиционных войск (SHAEP) в Европе. В соответствии с этим проектом или, как его называет Мосли, меморандумом, американское командование намеревалось предложить советскому Верховному командованию предоставить для своих нужд две железнодорожной линии и два автобана между американской и британской зонами оккупации. Содержание и уход за коммуникациями и различными техническими сооружениями (автозаправочные станции, станции техобслуживания, дорожные знаки, мосты и прочее) должны были взять на себя западные союзники. Если же советское командование по тем или иным причинам не сможет предоставить в распоряжение те коммуникации, на которые указали союзники, то оно обязано тотчас же высвободить равнозначные пути сообщения для потребностей западных войск. Мосли рассчитывал, как это видно из приведённого выше его высказывания, что существуют все необходимые предпосылки для заключения такого соглашения³⁷.

Настоятельные требования Черчилля оставлять англо-американские войска в районах, которые они заняли на момент капитуляции, до тех пор пока представители держав-победительниц не урегулируют все существующие проблемы на предстоящей межсоюзной конференции глав Большой тройки, для американского правительства летом 1945 г. уже были неприемлемыми. Быстрее решить вопрос об отводе англо-американских войск в свои зоны, тем самым параллельно разрешив проблему доступа союзнических войск в Берлин, просили и специальный представитель США в СССР Г. Гопкинс³⁸ и генерал Эйзенхауэр (в телеграмме от 2 июня 1945 г. Объединённому комитету начальников штабов)³⁹. В частности, Эйзенхауэр указывал, что русские будут требовать отвода американских войск с занятых территорий как условия для начала работы в Берлине Контрольного совета и передачи союзникам секторов в Берлине. Военные круги США, как и Черчилль, продолжали настаивать на том, чтобы вопрос об освобождении занятых территорий и, следовательно, доступе в Берлин и начале работы СКС затягивался как можно дольше, что подтверждается ответной телеграммой Эйзенхауэру от 3 июня 1945 г. В ней Объединённый комитет обязывал его на предстоящей встрече главкомов союзных войск по поводу подписания Декларации о поражении Германии объявить русским, если они поднимут этот вопрос, что данная проблема является военно-технической и должна быть отнесена к во-

³⁷ См.: *Mosely Ph. E.* Op. cit. P. 603.

³⁸ См.: *Truman H.S.* Op. cit. S. 284.

³⁹ См.: *Truman H.S.* Op. cit. S. 286; *Berlin. Quellen...* S. 105.

просам, входящим в компетенцию Контрольного совета, который должен был начать работу после того, как войска союзников вступят в Берлин.

Примечательно, что Эйзенхауэр на встрече 5 июня 1945 г., уже после подписания Декларации, попытался первым поднять эту тему, сказав Жукову, что хотел бы оставить в Берлине маленький штаб, который занялся бы разработкой деталей вступления западных войск в город. Как пишет Клей в своих мемуарах, Жуков отклонил эту просьбу, обосновав тем, что не имеет пока из Москвы полномочий вести переговоры на эту тему, но что такое урегулирование в настоящий момент нецелесообразно и сможет состояться только тогда, когда войска будут находиться в тех областях, которые соответственно предусмотрены для оккупации⁴⁰. Сам же Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» так описывает этот разговор:

«Эйзенхауэр... переходя к делу, сказал:

- Нам придется договориться по целому ряду вопросов, связанных с организацией Контрольного совета и обеспечением наземных коммуникаций через советскую зону в Берлин для персонала США, Англии и Франции.

- Видимо, нужно будет договориться не только о наземных коммуникациях, - ответил я Д. Эйзенхауэру, - придется решить вопросы о порядке полетов в Берлин американской и английской авиации через советскую зону.

На это генерал Спаатс⁴¹, откинувшись на спинку стула, небрежно бросил:

- Американская авиация всюду летала и летает без всяких ограничений.

- Через советскую зону ваша авиация летать без ограничений не будет, - ответил я Спаатсу. - Будете летать только в установленных воздушных коридорах.

Тут быстро вмешался Д. Эйзенхауэр и сказал Спаатсу:

⁴⁰ См.: *Clay L.D.* Op. cit. S. 37.

⁴¹ *Спаатс Карл Эндрю* (1891–1974) – американский генерал, участник Первой и Второй мировых войн, в июле 1941 командующий военно-воздушной армией США в Европе, в ноябре 1941 реорганизовал Союзнические воздушные силы в северной Африке, в феврале 1943 командующий Воздушными силами союзников в Северо-Западной Африке, участник военных компаний в Северной Африке и Сицилии, в январе 1944 командующий стратегическими воздушными силами в Европе, в июле 1945 командующий стратегическими воздушными силами в Тихом океане, командовал атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки.

- Я не поручал вам так ставить вопрос о полетах авиации. А затем, обратившись ко мне, заметил:

- Сейчас я приехал к вам, господин маршал, только с тем, чтобы лично познакомиться, а деловые вопросы решим тогда, когда организуем Контрольный совет.

- Думаю, что мы с вами, как старые солдаты, найдем общий язык и будем дружно работать, - ответил я. - А сейчас я хотел бы просить вас только об одном: быстрее вывести американские войска из Тюрингии, которая, согласно договоренности на Крымской конференции между главами правительств союзников, должна оккупироваться только советскими войсками.

- Я согласен с вами и буду на этом настаивать, - ответил Д. Эйзенхауэр.

Я не хотел расспрашивать его, перед кем он будет настаивать. Для меня было ясно, что этот вопрос упирается в большую политику, вернее - в Черчилля и Трумэна⁴².

Промедление в действиях англичан и американцев могло не только осложнить дальнейшую работу СКС ещё до созыва Потсдамской конференции и решения существующих проблем⁴³, но и быть расценено мировой общественностью как попытка развала союзнических договорённостей. Общественное мнение, по словам американского историка Дж. Смита, «просто не потерпело бы в то время помолки этих соглашений»⁴⁴.

В период с 8 по 12 июня 1945 г. Трумэн принял решение о начале отвода американских войск из советской зоны оккупации при условии одновременного вступления западных гарнизонов в Берлин⁴⁵. В письме от 12 июня Черчиллю он извещает последнего об этом решении, заявляя, что трехстороннее соглашение об оккупации Германии делает невозможной отсрочку отвода американских войск из советской зоны для того, чтобы добиться урегулирования других вопросов. Такая отсрочка причинила бы ущерб отношениям с Советским Союзом ещё до конференции глав трёх дер-

⁴² Жуков Г.К. Указ. соч. С. 360-361.

⁴³ На Ялтинской конференции было принято «Соглашение трёх великих держав по вопросам Дальнего Востока», в котором предусматривалось вступление Советского Союза в войну против Японии через 2-3 месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе. Для США, в отличие от Британии, была крайне необходима помощь СССР в разгроме Японии, так как для полного поражения последней США вынуждены были бы потратить колоссальные людские и материальные ресурсы, затянув тем самым войну ещё на 1-2 года.

⁴⁴ Smith J.E. Op. cit. P. 59.

⁴⁵ См.: Truman H.S. Op. cit. S. 286.

жав. В документе также отмечалось, что необходимо немедленно отдать приказ всем американским войскам начать отход 21 июня. Командующие должны были договориться об одновременной оккупации Берлина и о свободном движении туда и оттуда американских вооруженных сил по шоссе и железным дорогам и по воздуху из Франкфурта⁴⁶.

В ответном письме 14 июня Черчилль писал, что вынужден согласиться и присоединиться к американским действиям и отдаст необходимые директивы⁴⁷. Таким образом, западные державы пришли к необходимой договорённости по поводу решения вопроса о доступе своих войск в Берлин. Использовать возможность давления на Советский Союз в целях более выгодного для себя решения транзитного вопроса посредством присутствия своих войск на территориях, которые должен был оккупировать Советский Союз, не удалось. Лорд Стрэнг через одиннадцать лет написал, что «возможность для такого соглашения существовала тогда и, может быть, только тогда. Было также ошибкой не позаботиться об установлении доступа в Берлин в протоколе ЕКК»⁴⁸.

Советская сторона, как это следует из ответа Сталина 17 июня⁴⁹ на телеграммы Трумэна⁵⁰ и Черчилля⁵¹ от 15 июня, в которых они заявляли о начале отхода своих войск и просили о предоставлении им маршрутов для свободного передвижения их гарнизонов в Берлин и обратно по воздуху, железным дорогам и автомобильным шоссе, была готова предоставить им необходимые коммуникации своей зоны без каких-либо особых задержек. Правда, Сталин попросил отложить отход англо-американских войск и вступление в Берлин на десять дней из-за того, что Жуков и командующие фронтами отбывали 19 июня в Москву на сессию Верховного Совета, а также для организации парада Победы и участия в нём 24 июня. Сталин указал, что они смогут вернуться в Берлин только 28 - 30 июня. К тому же, отметил он, работы по разминированию в Берлине еще не окончены и могут быть завершены только к концу месяца. Сталин предложил начать все мероприятия 1 июля⁵².

Обмен телеграммами 12 - 17 июня 1945 г. между главами держав был первым официально зарегистрированным свидетельст-

⁴⁶ См.: *Truman H.S.* Op. cit. S. 286; *Черчилль У.* Указ. соч. С. 648.

⁴⁷ См.: *Черчилль У.* Указ. соч. С. 648.

⁴⁸ *Lord Strang.* Op. cit., p. 217.

⁴⁹ См.: *Переписка Председателя Совета министров СССР...* Т.1. С. 423; Т. 2. С. 264.

⁵⁰ См. там же. Т.2. С. 262.

⁵¹ См. там же. Т.1. С. 421-422.

⁵² См. там же. Т.1. С. 423; Т. 2. С. 264.

вом постановки вопроса о транзите западных союзников в Берлин. На основе этих межправительственных договорённостей в дальнейшем стали вестись более конкретные обсуждения данного вопроса.

Двадцать седьмого июня 1945 г. глава военной миссии США в Москве генерал Дин сообщил в Ставку союзных экспедиционных войск, что Жуков получил полномочия вести с западными представителями переговоры о перемещении войск союзников⁵³.

С этой целью 29 июня 1945 г. в Берлине произошла официальная встреча представителей Союзного верховного командования, на которой стороны договорились о временном урегулировании вопроса доступа в Берлин западных войск. К сожалению, во время этих очень важных для будущего транзита обсуждений не велось никакого письменного протокола как с западной стороны, так и с советской. Единственными официальными источниками об этой встрече являются Сообщение политического советника военной администрации США в Германии Р. Мэрфи от 30 июня 1945 г. правительству⁵⁴ и официальная телеграмма заместителя главы американской военной администрации генерал-лейтенанта Л. Клея⁵⁵ от 29 июня. Ход встречи и рассматриваемые на ней проблемы, можно также реконструировать по мемуарам фельдмаршала Монтгомери, Клея и лорда Стрэнга⁵⁶, а также устным воспоминаниям некоторых американских военных, которые вошли в сборник «Бумаги генерала Клея»⁵⁷, вышедший в 1974 г. под редакцией Дж. Смита.

Следует обратить внимание на уровень формата встречи: с советской стороны – главноначальствующий СВАГ⁵⁸ Г.К. Жуков, с американской и английской только заместители военных руководителей своих зон – соответственно Клей и генерал Викс. Клей сопровождался Мэрфи и генералом Флоридом Парксом, Викс – политическим советником лордом Стрэнгом.

Западные представители, скорее всего руководствуясь майским проектом Мосли, выдвинули требование «абсолютной необ-

⁵³ См.: *Kuhn H.W.* Op. cit. S. 455.

⁵⁴ См. текст Сообщения в: *Berlin. Quellen...* S. 110-113.

⁵⁵ См.: *Clay L.D.* Op. cit., S.40; *Berlin. Quellen...* S.114.

⁵⁶ См.: *Montgomery B.* Op. cit. S.431-432; *Clay L.D.* Op. cit. S. 39-42; *Lord Strang.* Op. cit. P. 2.

⁵⁷ См.: *The Papers of General Lucius D. Clay...* P. 29-35.

⁵⁸ Советская военная администрация в Германии (СВАГ) была образована после подписания Сталиным 6 июня 1945 г. соответствующего постановления СНК.

ходимости»⁵⁹ свободного и беспрепятственного доступа в Берлин. Советская сторона пошла на удовлетворение требований западных союзников. Участники встречи вспоминают, что Жуков заявил: «Чем быстрее будет отход (западных войск в свои зоны. — В.Б.), тем быстрее произойдёт вступление в Берлин»⁶⁰. Косвенные упоминания в мемуарах и в Сообщении Мэрфи, а также приведённый выше отрывок воспоминаний Жукова, позволяют сделать вывод, что позиция советских представителей базировалась на констатации факта принадлежности СВАГ всех путей сообщения в пределах советской зоны оккупации. Монтгомери отмечает, что «ответственность за уход и контроль (за коммуникациями. — В.Б.) остаётся за русскими». На то же самое указывает и Мэрфи: «...Движение должно регулироваться русской контрольной полицией»⁶¹⁶². Жуков дал согласие на то, чтобы все транспорты союзников были свободны от пограничного и таможенного контроля, но в дальнейшем он заявил, что эти вопросы «должны быть переданы на рассмотрение в Контрольный Совет». С такой постановкой вопроса согласились все участники встречи. Следовательно, эти соглашения носили временный характер; полное отсутствие какого-либо контроля со стороны советских органов также являлось временной мерой и было необходимо только для первоначальных мероприятий по расположению союзников в Берлине летом 1945 г. На основе воспоминаний Клея также можно сделать вывод о том, что коммуникации, выделенные советской стороной исключительно для нужд гарнизонов, должны были использоваться «в соответствии с теми же правилами контроля, которые советская военная администрация ввела для своих собственных войск»⁶³.

Таким образом, СССР, обладая всеми юридическими правами на коммуникациях в пределах своей зоны оккупации, имел полное право в целях обеспечения безопасности своей зоны и отстаивания собственных геополитических и стратегических интересов в Германии вводить различные ограничительные и защитные мероприятия любого характера на этих коммуникациях.

Следовательно, на встрече 29 июня 1945 г. был установлен (и существовал в дальнейшем) **разрешительный порядок транзита**. Сам факт испрашивания у главноначальствующего СВАГ разрешения на использование определённых трасс подтверждает это. Изна-

⁵⁹ *Montgomery B.* Op. cit. S. 432.

⁶⁰ *The Papers of General Lucius D. Clay...* P. 29.

⁶¹ Так в первоисточнике. Скорее всего, имеются в виду батальоны военных автодорожных регулировщиков.

⁶² *Berlin. Quellen...* S. 112.

⁶³ *Clay L.D.* Op. cit. S.40.

чально союзники запросили разрешение на выделение им трёх железнодорожных линий и двух автотрасс. Жуков отклонил эти просьбы, объяснив отказ тем, что советские войска сами нуждаются в данных коммуникациях, так как необходимо перевозить демобилизующихся солдат⁶⁴. Взамен Жуков предложил иной план. В итоге советское командование согласилось предоставить возможность использовать для перевозок персонала и грузов военной администрации и гарнизонов трёх западных держав следующие коммуникации: одну железную дорогу и один автобан общим сообщением Берлин – Мариенборн (советская зона) / Хелмштедт (британская зона), а также две воздушные трассы Берлин — Магдебург — Франкфурт-на-Майне⁶⁵. Причём советская сторона потребовала извещать её за час до авиарейса, что ещё раз подтверждает разрешительный характер транзита союзников через советскую зону. Водные пути, посредством систем каналов и рек Хафель — Одер, западными союзниками в качестве коммуникаций не испрашивались.

Тот факт, что обе стороны встречи отталкивались именно от такого принципа будущего транзита, иллюстрирует незначительный инцидент, произошедший ещё до этой встречи.

Восемнадцатого июня в район Потсдам — Бабельсберг для осмотра и приема помещений для будущей Потсдамской конференции, а также для рекогносцировки путей сообщения и окрестностей Берлина, командованием западных союзников были посланы, как пишет Клей, «несколько небольших подразделений» общей численностью в 500 человек⁶⁶. Решение о посылке этих подразделений основывалось на обмене телеграммами между Сталиным и Черчиллем 17-18 июня⁶⁷. Скорее всего, западное командование изначально, ещё до отправки этих групп, не согласовало количество военного персонала, который посылался в Потсдам и Берлин. На пограничном мосту через Эльбу в районе г. Дессау группы были остановлены советскими патрулями, которые потребовали от их командира полковника Хоули⁶⁸ уменьшить число военнослужащих.

⁶⁴ После окончания в мае 1945 г. боевых действий, в районе демаркационной линии западнее Берлина (разграничивавшей силы СССР и англо-американских войск) и проходивших там железнодорожных и автомобильных трасс находились крупные соединения бывшего 1-го и 2-го Белорусского фронтов, что составляло не менее шести общевойсковых армий. Именно этим частям и были необходимы наземные коммуникации в связи с начавшейся в июне 1945 г. массовой демобилизацией советских военнослужащих.

⁶⁵ См.: *Berlin. Quellen...* S. 112—113.

⁶⁶ См.: *Clay L.D.* Op. cit. S. 45.

⁶⁷ *Переписка* Председателя Совета министров СССР... Т. 1. С. 425.

⁶⁸ *Полковник Фрэнк Хоули* (Frank Howley) с июля 1945 г. по декабрь 1947 г. являлся заместителем военного коменданта американского сектора

Хоули после длительных споров с советскими офицерами вынужден был подчиниться, оставив 212 человек. Клей в своих мемуарах указывает, что «откуда взялись эти цифры... до сих пор остаётся неизвестным»⁶⁹. Однако он не мог не знать, откуда эти цифры появились на самом деле, так как генерал-майор Ф. Паркс, находящийся в районе Потсдам — Бабельсберг при советском штабе по организации конференции, в своём рапорте от 22/23 июня 1945 г. написал: «Я попросил генерала Круглова⁷⁰ пропустить только согласованное число (военных. — В.Б.)»⁷¹. Иными словами, советское командование разрешило определённому числу американских военных воспользоваться транзитными путями, на основании чего команды под надзором советских офицеров двинулись дальше.

Таким образом, принцип разрешительного порядка транзита, положенный в основу всех дальнейших договорённостей, явился базисом для более конкретного юридического закрепления всех форм перемещения контингентов западных войск в Берлин.

Англо-американские мотопехотные подразделения вступили в Берлин 1—4 июля 1945 г. В эти же дни западное командование вывело все свои войска с территорий Саксонии, Тюрингии и из западной части Мекленбурга. Французские подразделения вошли в город 12 августа 1945 г. Началась четырёхсторонняя оккупация Берлина.

В дальнейшем порядок использования коммуникаций между Берлином и западными зонами регулировался с согласия советской стороны путём соответствующих соглашений в рамках СКС и его органов, которые приняли в первый период оккупации Германии ряд решений, конкретизировавших договорённость военных представителей держав от 29 июня 1945 г.

Решения по различным транспортным проблемам принимались в зависимости от технической сложности осуществления того или иного вида перевозок. Поэтому, например, вопросы, связанные с союзническими автоперевозками почти не обсуждались, ибо не представляли сложного технического процесса и не нуждались в серьёзном логистическом решении, в отличие от железнодорожных перевозок или, например, авиасообщения, которое требовало при-

Берлина. С 1 ноября 1947 г. комендант американского сектора в чине бригадного генерала.

⁶⁹ Clay L.D. Op. cit. S. 46.

⁷⁰ Генерал-полковник С.Н. Круглов (1907—1977), будущий нарком и министр внутренних дел, будучи в должности командующего войсками НКВД летом 1945 г. руководил в Германии мероприятиями по подготовке и охране Потсдамской конференции.

⁷¹ Цит. по.: Gömer G. Op.cit. S. 88.

влечения большого количества специалистов и, соответственно, больших юридических оснований.

Автомобильное сообщение в соответствии с соглашением от 29 июня 1945 г., как указывалось выше, осуществлялось по авто-трассе Берлин - Магдебург – Мариенборн (советская зона) / Хелмштедт (британская зона)⁷². Эта трасса использовалась как для нужд гарнизонов западных держав, так и для аккредитованных в Берлине при Контрольном совете военных миссий стран, входивших в состав Объединённых Наций в годы войны. Несколько позже трасса была оборудована автозаправочными станциями и станциями техобслуживания. Шоссе находилось под контролем советских военных дорожно-постовых служб. Вплоть до 1951 г. американцы также предпринимали патрульные поездки вдоль этого автобана⁷³. Соглашения от 29 июня были подтверждены Координационным комитетом⁷⁴ СКС директивой «О материальной помощи немецким автомобильным дорогам» от 7 февраля 1946 г.⁷⁵. Пункт N 2 этой директивы гласит, что уход за состоянием всех дорог, включая автобаны, входит в компетенцию тех оккупационных зон, по территории которых они пролегают.

Вопросы, связанные с **железнодорожными перевозками** союзников, после месячных консультаций в августе 1945 г. были решены и юридически закреплены на пятом заседании Контрольного совета 10 сентября 1945 г.⁷⁶. На этом заседании подтверждалось решение Транспортного директората о количестве поездов, которые должны были следовать из западных зон в Берлин и обратно. Для сугубо военных нужд трёх западных гарнизонов предусматривалось три поезда в день, по одному на каждый оккупационный сектор, но так как западные державы брали на себя обязанность снабжать углём и продуктами питания не только свои гарнизоны, но и гражданское население, количество поездов было увеличено до 16 в день, причём на доставку только одного угля требова-

⁷² Между городками Хелмштедт и Мариенборн в районе демаркационной линии между британской и советской оккупационными зонами находился крупный КПП, совместно контролируемый представителями оккупационных держав.

⁷³ См.: *Wetzlaugk U.* Op. cit. S. 269.

⁷⁴ СКС состоял из различных директоратов, которые, в свою очередь, состояли из комитетов и подкомитетов, рассматривавших те или иные политические, общественные и технические проблемы. Связь между Контрольным советом и директоратами, так же как и с Межсоюзной комендатурой, осуществлялась посредством Координационного комитета (Coordinating Committee).

⁷⁵ См.: *Kuhn H.W.* Op. cit. S. 457.

⁷⁶ См.: *Berlin. Quellen...* S. 167-169.

лось 8 поездов (половина всех наземных перевозок). Для союзников выделялось два однокорейных перегона: для гружёных поездов, следующих из западных зон в Берлин (Хелмштедт - Магдебург - Берлин), и для пустых, возвращающихся обратно (Берлин - Стендаль - Ганновер). В пункте 4 решения Транспортного директората зафиксировано, что все 16 поездов «находятся под русским контролем и наблюдением». В Хелмштедте предусматривалась замена локомотивов на советские для поездов, следующих в восточном направлении. В документе также подчёркивалось, что такое решение вопроса «имеет достаточно возможностей для того, чтобы удовлетворить будущие потребности».

В целый комплекс обсуждений и соглашений вылилось урегулирование вопроса, связанного с *воздушным сообщением*, которое продолжалось с ноября 1945 г. по февраль 1947 г. Именно вокруг этого вопроса разгорелись жаркие прения, обозначившие вектор будущего расхождения между союзниками в Контрольных органах. Они чётко показали постепенное превращение вопроса о транзитном доступе в Берлин из сугубо организационно-технического в политический. Необходимо отметить: советская сторона во время этих и последующих обсуждений в контрольных органах всегда руководствовалась той точкой зрения, что существует строгое разграничение между полётами для обеспечения нужд оккупационных гарнизонов в Берлине и полётами, которые нужны для межгосударственных гражданских транзитных сообщений, в отличие от западных союзников, которые стремились уравнивать или объединить эти два вида воздушных перевозок.

Авиация западных гарнизонов базировалась на аэродромах Темпельхоф (американский сектор), Гатов (английский сектор) и Тегель (французский сектор; аэродром вступил в эксплуатацию в 1948-1949 гг.).

Осенью 1945 г., после подробного изучения данной проблемы техническими органами Контрольного совета (Авиационным комитетом Воздушного директората), было принято решение создать систему воздушных коридоров для авиaperезовок союзников. На заседании Воздушного директората (приблизительно в промежутке между 22 и 27 ноября 1945 г.) было обсуждено сообщение Авиакомитета «О создании воздушных коридоров» от 22 ноября 1945 г., которое предусматривало создание шести авиатрасс: три трассы сообщением западные зоны - Берлин, а остальные – *Берлин - Варшава*, *Берлин - Прага* и *Берлин - Копенгаген*. При этом английский представитель маршал авиации Х.Е.П. Уиглсворт указал, что необходимо внести в проект, который будет направлен в Координационный комитет, предложение о создании седьмого коридора

Бюкеберг (Ганновер) - Прага, минуя Берлин, а также предоставить полную свободу для полётов в ограниченном линиями коридоров пространстве, что фактически означало бы бесконтрольные полёты над всей западной половиной советской зоны оккупации. Данное предложение, естественно, было неприемлемым для СССР. Такая позиция английского представителя, перекликавшаяся с заявлением генерала Спаатса Жукову 5 июня 1945 г. и поддержанная американским⁷⁷ и французским делегатами⁷⁸, легла в основу всех дальнейших предложений западной стороны относительно воздушных коридоров. Советский представитель Герой Советского Союза генерал-лейтенант Т.Ф. Куцевалов (одновременно начальник отдела ВВС СВАГ с 1945 по 1947 г.) отклонил эти предложения, указав, что для обеспечения военных нужд западных гарнизонов достаточно трёх коридоров, связывающих Берлин с западными зонами. Относительно трёх других и предполагаемого седьмого он заявил, что «они являются коридорами для обычного внутрисоюзного сообщения и не связаны никоим образом с удовлетворением потребностей оккупационных сил в Берлине, и поэтому вопрос об их создании может быть обсуждён Воздушным директором только на основе решения высших органов власти». Именно такая концепция создания воздушных коридоров была зафиксирована на 23-м заседании Координационного комитета 27 ноября 1945 г. и положена в основу Сообщения Контрольному совету, где, в частности, указывалось, что вопрос о создании дополнительных коридоров «не входит в его (Контрольного совета. – В.Б.) компетенцию и должен быть решён на уровне правительств».

Тридцатого ноября 1945 г. на 13-м заседании СКС было решено утвердить создание следующих воздушных коридоров:

- *Берлин - Гамбург* (английская оккупационная зона);
- *Берлин - Бюкеберг* (аэродром рядом с Ганновером в английской оккупационной зоне);
- *Берлин - Франкфурт-на-Майне* (американская оккупационная зона).

Каждый коридор имел ширину 20 английских миль (32 км).

На этом заседании Монтгомери выразил надежду, что вопрос о создании прочих воздушных путей будет решён советской стороной быстро. Жуков ответил, что они будут открыты своевременно.

В последующем западные державы систематически увязывали вопрос о воздушном транзите для своих собственных нужд в западные секторы Берлина с вопросом о праве свободных полётов в гражданских целях (почта, торговый фрахт, пассажирские перевоз-

⁷⁷ Генерал-майор Р.В. Харпер (R. W. Harper).

⁷⁸ Дивизионный генерал К. Де Севин (X. De Sevin).

ки и пр.), ссылаясь на то, что для этих целей недостаточно тех трёх коридоров, которые выделила им советская сторона. Причём в своих официальных предложениях западные державы никогда не учитывали то обстоятельство, что воздушные коридоры выделялись им только в военных целях, для снабжения своих гарнизонов на период их пребывания в западных секторах Берлина, т. е. до тех пор, пока с окончанием работы Союзных контрольных органов в Германии не отпадёт надобность в четырёхстороннем административном управлении городом.

Упомянутые вопросы поднимались американским представителем на заседаниях Координационного комитета 6 марта 1946 г. и Воздушного директората 30 апреля 1946 г.⁷⁹ Советская делегация отклонила все требования западных держав, заявив, что «существующая система воздушных путей над советской оккупационной зоной Германии вполне достаточна не только для того чтобы удовлетворить потребности союзнических войск в секторах Большого Берлина, но и даже для того, чтобы выполнить успешно все союзнические транспортные перевозки торговых грузов, несмотря на их объём».

Существенным шагом в плане решения технических проблем обеспечения полётов союзников и юридического оформления системы авиасообщения было издание Воздушным директоратом обобщающей инструкции «О полётах в Берлинской контрольной зоне и в воздушных коридорах»⁸⁰ от 22 октября 1946 г. В ней окончательно закреплялась система коридоров и принципы регулирования взлётно-посадочных процессов воздушных судов, фиксировалось географическое положение *Берлинской контрольной зоны* (последняя определялась как пространство между землёй и воздушным потолком в 3000 м в радиусе 32 км от здания заседаний СКС в берлинском районе Шёнеберг, американский сектор), а также окончательно описывалась цель создания *Центра воздушной безопасности*⁸¹. Данная инструкция значительно повысила эффективность использования воздушных путей сообщения. Однако то, что с технической точки зрения было урегулировано довольно просто, с политической потребовало ещё некоторого времени.

⁷⁹ Тексты заявлений американского представителя см. в: *Berlin. Quellen...* S. 181-182; *Dokumente zur Berlin-Frage: 1944-1966...*

⁸⁰ Текст инструкции см.: *Berlin. Quellen...* S. 183-193.

⁸¹ Центр воздушной безопасности (Berlin Air Safety Center; BASC), учреждённый в феврале 1946 г., находился в здании СКС. В нём работали офицеры ВВС четырёх держав в течение всего периода пребывания западных гарнизонов в Берлине.

Попытки западных держав поднять вопрос о праве свободного доступа любых воздушных судов фактически над половиной территории советской оккупационной зоны продолжались до тех пор, пока советская делегация не была вынуждена выступить с заявлением на заседании Контрольного совета 5 февраля 1947 г. В этом заявлении советские представители ещё раз обосновали свою позицию, касающуюся создания дополнительных воздушных коридоров, сказав, что «все полёты воздушных судов союзнических и дружественных наций из Берлина в другие направления над советской оккупационной зоной Германии имели место только после того, как советские военные власти выдавали специальные разрешения; относительно этих полётов жалоб со стороны правительств союзников и дружественных наций не поступало». Из этого вытекало, что все согласованные до этого решения «в полном объёме удовлетворяют потребностям в воздушных перевозках союзнических оккупационных властей на нынешней стадии оккупационного режима в Германии», а следовательно, «предложения американской, британской и французской делегаций о “свободе воздушного сообщения в Германии” и “установлении особых предпосылок на четырёхсторонней основе для учреждения и управления гражданским воздушным сообщением для других наций в Германии” на этой стадии оккупационного режима в Германии являются нецелесообразными и преждевременными». Советские делегаты заявили, что подобные решения будут рассматриваться только тогда, когда союзные правительства придут к общему решению (по Германии. — В.Б.) и когда СКС получит об этом особые указания.

Таким образом, после этого выступления данный вопрос был снят с повестки дня, а проблема воздушного сообщения фактически решена.

В итоге в результате полуторогодичной работы военных специалистов четырёх держав были не только заложены юридические основы, но и решены почти все детали организационно-технической стороны транзитной проблемы. Однако относительно успешная работа Транспортного и Воздушного директоратов Контрольного совета выявила также и основные проблемные места в данном вопросе, которые чуть позже были использованы Великими державами в качестве рычага для нагнетания кризисных ситуаций вокруг Берлина, тем самым превратив город в их постоянный источник.

Впервые советские оккупационные органы воспользовались правом на защиту интересов своей зоны весной 1948 г., когда полный отказ от выполнения Потсдамских соглашений западными державами, особенно США, проявил их основные цели и задачи в

германской политике, направленные не только на раскол Германии и Берлина, но и на постепенное давление на геополитические интересы СССР, который из оккупируемых им территорий пытался создать своеобразный «пояс безопасности» против новой угрозы с Запада и для предотвращения образования новой враждебной коалиции западноевропейских государств⁸². Выхолащивание сути денацификации, постепенное прекращение демилитаризации и демонизации западных зон, образование Бизонии и демонстративный путь на строительство без ведома СССР западногерманского государства вынудили советское правительство, понимавшее, к чему могут в будущем привести данные политико-экономические процессы, начать проведение чётко спланированных акций на коммуникациях как метод контрдавления на западные державы. Западные союзники, провоцируя СССР на расстройство контрольного механизма управления Германией, вывозили из Берлина крупными объёмами ценное оборудование и сырьё, а также незаконно провозили из западных зон в западные сектора Берлина лиц, не имевших на то разрешения, тем самым злоупотребляя своим правом свободного доступа в Берлин. К тому же, многие западные военные сотрудники, работавшие на транзитных коммуникациях, занимались открытой шпионской деятельностью, устанавливая контакты Берлинской оперативной базы⁸³ с советскими служащими.

Протест советского правительства против односторонних действий западных держав и Лондонского совещания в феврале - марте 1948 г. США, Великобритании и Франции приобрёл весной 1948 г. жёсткие формы. Решение о давлении на западные державы посредством нажима на их гарнизоны в городе и средства коммуникации с Берлином было принято ещё осенью 1947 г. Довольно чётко сформулировал эту позицию советского правительства Гусев в письме Молотову от 17 октября 1947 г.: «Присутствие англичан и американцев в зоне Большого Берлина даёт для них не только информацию о положении в советской зоне, но и возможность через свои сектора... оказывать то или иное влияние на население советской зоны оккупации. Такой возможности в отношении западных зон советская администрация в Германии не имеет... Если

⁸² См.: *Очерки истории МИД России*. Т. 2: 1917 - 2002 г. М., 2002. С. 341.

⁸³ Берлинская оперативная база (БОБ) – подразделение германского отдела разведывательного учреждения США УСС (Управления стратегических служб), а позже ЦРУ, в Берлине. БОБ была образована в июне 1945 г. А. Даллесом. См.: *Бейли Дж., Кондрашев С., Мерфи Д.* Поле битвы – Берлин. М., 2002. С. 8, 18.

американцы и англичане... не пойдут на удовлетворение вполне законных требований Советского Союза... то, может быть, Советскому Союзу придётся поставить вопрос об упразднении зоны Большого Берлина и об объявлении всей этой территории частью советской зоны. Конечно, это крайняя мера и прибегать к её применению можно лишь тогда, когда не будет никаких надежд на соглашение»⁸⁴.

Двадцать пятого марта 1948 г. Главнначальствующий СВАГ маршал В.Д. Соколовский издал секретный приказ № 002 «Об усилении охраны и контроля на демаркационной линии советской зоны оккупации Германии»⁸⁵, который устанавливал с 1 апреля новый порядок контроля за передвижением людей и грузов через советскую зону. С этого времени начинается активная политика транспортных ограничений СВАГ на коммуникациях западных союзников. Крупные акции советских органов по полному перекрытию сухопутных трасс с июня 1948 г. по май 1949, получившие название «берлинской блокады»⁸⁶, к сожалению, не смогли заставить западные державы отказаться от своих планов.

В ответ на действия СССР западные державы выдвинули тезис о полном праве их доступа в Берлин. Данное обстоятельство никогда и не оспаривалось советской стороной⁸⁷, однако активное муссирование в прессе такой установки как в период кризиса 1948-1949 гг., так и в последующие годы, вплоть до Четырёхсторонних соглашений 1971-1972 гг., создало и в общественном сознании, и в

⁸⁴ СССР и германский вопрос 1941-1949... Т. 3. С. 512.

⁸⁵ См. там же. С. 785. Сам текст приказа пока не опубликован.

⁸⁶ По сути, это была пропагандистская самоблокада западных гарнизонов, так как СССР объявил о снабжении населения западных секторов города всем необходимым продовольствием. Западные державы, наоборот, запретили получать жителям своих секторов Берлина продукты в восточном секторе, раздув в СМИ тезис об опасности голодной смерти для граждан города со стороны Советов и об их спасении с помощью так называемого «воздушного моста». Воздушные коридоры, по которым западные державы снабжали свои гарнизоны всем необходимым, в основном углём, СВАГ не закрывал, что говорит не о военных планах СССР по отношению к западным союзникам, а о политическом давлении такими средствами. См.: *Keiderling G.* Op. cit. S. 100-101, 137-147.

⁸⁷ Это доказывается позицией представителей СССР на встрече в Нью-Йорке 4 мая 1949 г. и на 6-й сессии СМВД в Париже в мае - июне 1949 г., где было подтверждено, что оккупационные власти, каждая в своей зоне, будут обязаны принимать необходимые меры для обеспечения нормального функционирования и использования железнодорожного, водного и дорожного транспорта.

научно-популярной литературе образ некой «проблемы доступа» в Западный Берлин. Опираясь на факт отсутствия единого нормативно-правового акта, детально оговаривающего права и обязанности сторон при осуществлении транзитного сообщения, западная сторона неоднократно заявляла о неправомерности действий СССР в особо острые периоды «холодной войны». Яркий пример – меморандум правительства США от 31 декабря 1958 г., в котором говорилось, что право доступа трёх западных держав в Берлин является неотъемлемым коррелятом их оккупационного права и что Советский Союз не оформлял им права на доступ в Берлин. Однако следует отметить, что именно СССР, как было показано, предоставил западным державам право использовать коммуникации своей зоны, сохраняя при этом за собой полное юридическое право на регулирование передвижений на данных путях сообщения, что не должно было вообще вызывать возражений в периоды обострений «холодной войны», так как и западные страны, и СССР, отстаивая свои геополитические интересы, могли применять различные охранные мероприятия. Необходимо также отметить, что американские военные провоцировали советское командование на принятие соответствующих обстановке мер контроля за действиями своей разведывательной авиации. С 1950 по 1983 г. советские летчики сбили или принудили к посадке 27 американских разведывательных самолетов. Еще 60 были атакованы. Это при том, что не известно ни одного случая воздушной разведки советскими самолетами непосредственно территории стран НАТО (т. е. нахождения в их воздушном пространстве). В различных авиаинцидентах погибло минимум 139 иностранных военнослужащих.

До 1955 г. весь контроль за сухопутными коммуникациями западных держав между ФРГ и Западным Берлином осуществлялся Советским Союзом. Двадцатого октября 1955 г. был заключён Договор о дружбе и сотрудничестве между СССР и ГДР, определяющий условия пребывания советских войск в Германии. Все функции охраны и контроля на границах ГДР, на внешнем обводе Большого Берлина, а также на проходящих по территории ГДР коммуникациях между ФРГ и Берлином передавались органам ГДР. Повторно были подтверждены сухопутные и воздушные линии сообщения, созданные в первые послевоенные годы. Однако контроль за передвижениями между ФРГ и Западным Берлином воинского персонала и грузов оставался за командованием Группы советских войск в Германии (ГСВГ). Данное обстоятельство нашло своё отражение также в переписке между заместителем председателя Совета министров министра иностранных дел ГДР Лотара Больца и заместителя министра иностранных дел СССР В.А. Зорина от 20

сентября 1955 г., а также в сообщении «Об охране и контроле государственной границы ГДР» председателя Совета министров ГДР О. Гротевольа от 9 декабря 1955 г.⁸⁸

Берлинской кризис 1961 г. и возведение Берлинской стены не сказались на военном транзите. Четырёхстороннее соглашение по Западному Берлину от 1971—1972 гг. касалось только вопросов, связанных с окончательным урегулированием гражданского передвижения и транзита, но не затрагивало передвижения гарнизонов западных держав. Это соглашение, как и ряд других, приведших к «разрядке» в Европе в 1970-е гг., успокоило общую обстановку вокруг Берлина и сняло с повестки дня вопросы, связанные с особыми правами западных держав на доступ в Западный Берлин, что лишний раз подтвердило политическую, а не юридическую подоплеку поднятия «проблемы доступа», так как при совершенствовании технического оснащения западных гарнизонов в 1970—1980-е гг. и, соответственно, возрастании их потребностей предоставленные Советским Союзом ещё в 1945 г. пути сообщения эксплуатировались без каких-либо осложнений, хотя в 1980-е гг. западноберлинские гарнизоны насчитывали приблизительно 11 тыс. человек. В Западном Берлине находилось 75 единиц бронетехники (22 американских танка М-60, 6 155-миллиметровых дальнобойных гаубичных самоходок, 14 английских и 33 французских АМХ-13 и АМХ-30)⁸⁹.

Таким образом, систему решений, касавшихся военного транзитного сообщения западных держав и принятых в 1945—1947 гг. союзными органами, можно характеризовать как единую нормативно-правовую систему, определявшую функционирование транзитных коммуникаций на суше и в воздухе. Несогласованный характер общего управления Германией и распад союзных контрольных органов вследствие начавшейся «холодной войны» обусловил и отсутствие подобного единого сводного документа, что явилось основой для использования данного обстоятельства в политических целях. Резюмируя, можно констатировать отсутствие «проблемы доступа», но наличие политического вопроса о транзитном сообщении в период 1948—1971/72 гг.

Беспалов Владимир Александрович – аспирант кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта.

⁸⁸ Тексты писем и сообщения см. в: *Dokumentation zur Westberlinfrage...* S. 70—72.

⁸⁹ См.: *Alle Macht geht vom Stadtkommandanten aus...* S. 20.

Ю.А. Виноградова

**Ватикан во внешнеполитической доктрине ПНР
в 1970-е гг.**

Взаимоотношения с понтификатом католической церкви и, соответственно, с теократическим государством Ватикан были важным направлением внешней политики Польской Народной Республики на всем протяжении ее существования. С одной стороны, роль церкви во внутриполитической и общественной жизни Польши, ее влияние в обществе было очень велико, так как ПНР не стала государством «воинствующего атеизма», как её старший партнер по Варшавскому блоку СССР. Польша характеризуется высокой религиозностью населения, а по удельному весу признающих себя верующими занимает первое место в Европе. Более того, тотальная секуляризация общественной жизни, дискредитация религии, массовые гонения на священников, проводившиеся в довоенном Советском Союзе, не могли быть повторены в польских реалиях – прежде всего потому, что там не произошло тотального отказа от прежних ценностей. В отличие от России, где совершилась народная революция, в ПНР режим «насаждался», и личности, которая заменила бы полякам «бога живого», не нашлось¹.

С другой стороны, государство Ватикан являлось одним из международных партнеров ПНР. В 1970-е гг. государственная власть Польши пересмотрела свои отношения с Ватиканом, что привело к «оттепели» в политике по отношению к Костелу внутри страны. Этот процесс вполне укладывался в рамки политики «разрядки», которую проводил СССР, а также был связан с принятием новой конституции в 1976 г. Новый курс в отношении к странам Восточного блока демонстрировал и Ватикан.

В период понтификата Иоанна XXIII (1958-1963) католическая церковь начала пересмотр своей внешнеполитической доктрины, что было продиктовано уменьшением конфронтации между Востоком и Западом. Его предшественник Пий XII был нетерпим к коммунистам, а Иоанн XXIII, «красный папа», являлся сторонником более гибкой политики, к примеру, он вел переписку с Н.С. Хрущёвым, принимал лидеров социалистических государств в

¹ См.: *Яжборовская И.С.* Польская католическая церковь и государство в 40-90-е годы XX века // Религии мира. История и современность / Под ред. О.В. Чернышева. М., 2003. С. 19; *Сарнов Б.* Наш советский новояз. М., 2005. С. 544-546; *Люкс Л.* Третий Рим? Третий Рейх? Третий путь? Исторические очерки о России, Германии и Западе. М., 2002. С. 68-69.

Ватикане. Именно при нем было отменено церковное правило, налагавшее епитимью на католиков, голосующих за коммунистов на выборах. По отношению к ПНР исключения сделано не было: Папа принял на аудиенции члена Государственного совета ПНР Завейского, после чего на церковной конференции польских епископов подтвердил намерения католической церкви строить двухсторонние отношения с польским государством на принципах толерантности².

Преемник Иоанна XXIII Павел VI (1963-1978) продолжал его политику, используя в отношении ПНР «тактику малых шагов». В 1966 г. планировался визит Римского Папы в Польшу, однако противоречия между двумя странами еще оставались значительными, и польское руководство отказалось принять понтифика. Несмотря на эту заминку, в том же году при посредничестве итальянского посла Аллауда и архиепископа Ла Коста стороны договорились о принятии верительных грамот послов ПНР в Риме. Польско-ватиканское сотрудничество продолжилось по вопросу войны во Вьетнаме, Ватикан и ПНР выступили посредниками на переговорах ДРВ и США в Варшаве в декабре 1966 г., однако Папа снова не был приглашен в Польшу. В 1967 г. ПНР приняла верительные грамоты посла Ватикана Касаролы, было дано разрешение на его временный приезд в страну, взамен Ватикан употребил свое влияние и помог состояться в апреле 1967 г. визиту в Италию одного из членов политбюро ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) Э. Охаба. Главной нерешенной проблемой оставалось посещение Папой Римским польского города Ченстохова для освещения образа Богоматери «Золотое Лицо» и встречи с верующими, что имело колоссальное значение для польских католиков. Не случайно впоследствии этот образ стал символом оппозиционного движения «Солидарность».

Внешние связи польского духовенства и светских католиков, в том числе неконтролируемые контакты с Ватиканом, вызывали у властей серьезные опасения. Среди наиболее активных объединений можно назвать легальный союз «Каритас», объединявший 1250 ксендзов, имевший собственный еженедельник «Общественная мысль». Другой союз ПАКС (РАХ), насчитывавший в своих рядах около десяти тысяч светских католиков, был лоялен власти и участвовал в процессе «построения социалистического государства»,

² См.: *Notatka Wydziału Administracyjnego KC PZPR o kontaktach polsko-watykańskich w latach 60-ych sporządzona w 1969 r.* // *Tajne dokumenty Państwo-Kościół 1960-1980.* Warszawa, 1990. S. 314-316; *Величко О.И.* Иоанн XXIII в отечественной исторической литературе и научной публицистике // *Религии мира. История и современность...* С. 286.

постепенно отдаляясь от внутрицерковной деятельности. Общехристианское движение «Христианский общественный союз» (ChSS) контактировало с католическими организациями Западной Европы, что вызывало недовольство в руководстве ПОРП, обвинявшем его в оппозиционной деятельности. Клуб католической интеллигенции (ККИ, КИК) в документах ЦК ПОРП характеризовался неоднозначно. С одной стороны, власти обвиняли клуб в сотрудничестве с оппозицией в Чехословакии, с другой – их одобрение вызывала деятельность этой организации в области внутрицерковных реформ и либерализма в отношениях с социалистическим государством.

В 1970 г. Ватикан сформулировал политические принципы на ближайшее десятилетие, провозгласившие курс на диалог и сближение с коммунистическими режимами реформистского типа во благо верующих. Ватикан декларировал надгосударственность католической церкви, с одной стороны, и приступил к критике пороков буржуазного строя. Борьба за мир и разоружение стали также одной из важных составляющих доктрины католической церкви. В отношении ПНР Ватикан предложил расширить диалог и нормализовать отношения, обсудить возможность обмена послами и постоянными представительствами. Пойдя на переговоры с Ватиканом, ЦК ПОРП преследовал еще одну цель – ослабить роль кардинала Вышиньского внутри страны³.

В отношениях между католической церковью и государством 1970-й год характеризовался рядом опасений со стороны последнего. В связи с 50-летием «чуда на Висле» и победой Польши в войне с советскими республиками (1920-1921) епископат намеревался распространить с пасторских кафедр поминальный лист с именами героев-пилсудчиков, что могло быть расценено СССР как оскорбление. Советское посольство даже направило протест в Государственный совет ПНР по поводу этой инициативы кардинала Вышиньского. Акция была запрещена властями, и духовенство не посмело ослушаться⁴.

³ См.: *Analiza polityki wyznaniowej w latach 60-ych w PRL sporządzona w 1970 r. przez Wydział Administracyjny KC PZPR // Tajne dokumenty...* S. 316-329.

⁴ См.: *Notatka Wydziału Administracyjnego KC PZPR z 8 lipca 1970 r. // Tajne dokumenty. S. 334-336; Pismo dyrektora Urzędu do Spraw Wyznań, Aleksandra Skarżyńskiego, do episkopatu Polski z dnia 14 lipca 1970 r. // Ibid. S. 338-339; Instrukcja dyrektora Urzędu do Spraw Wyznań, Aleksandra Skarżyńskiego, dla przewodniczących prezydiów wojewódzkich rad narodowych z dnia 15 lipca 1970 r. // Ibid. S. 339-342, Informacja Departamentu IV MSW o przebiegu*

В апреле 1971 г. был создан комитет по делам религии при ЦК ПОРП под председательством секретаря Станислава Кани. С этих пор политика в отношении церкви сосредоточилась в одних руках. Изменилось название, суть осталась прежней – религиозная политика контролировалась напрямую ЦК ПОРП. В число функций комитета входила координация отношений правительства ПНР с Ватиканом⁵.

Нормализация отношений государства и церкви в 1970-е гг. была признана необходимой как властью, так и костёлом. В том числе епископат поддержал инициативу правительства в отношении Ватикана, но протестовал против назначения Александра Скаржиньского, который казался клиру одиозной фигурой, главой делегации в апостольской столице. В то же время костёл предложил возобновить работу совместной с правительством комиссии, среди задач которой была координация связей с Ватиканом. Последнее заседание этой комиссии состоялось в январе 1967 г., после чего её работа возобновилась лишь 24 сентября 1980 г.⁶.

Первым этапом переговоров между властями ПНР и Ватиканом было подписание декларации намерений. В октябре 1971 г. началась подготовка второго этапа. Министерство внутренних дел ставило задачу договориться о статусе западнопольских епархий и о ликвидации восточных. Власти стремились также исключить из состава делегации кардинала Кароля Войтылу, будущего понтифика Иоанна Павла II, и епископа Игнатия Токарчука, обвиненного в подрывной деятельности против социалистического строя⁷. Кроме того, правительство собиралось получить согласие Ватикана на обязательные консультации с ЦК при назначении архиереев, в том числе примаса Польши, и добиться церковного наказания ксендзов, участвовавших в нелегальной деятельности организации «Движение» («Ruch»), судебные процессы против которых проходили летом и осенью 1971 г.⁸ Наконец, власти ПНР требовали от Ватикана

uroczystości kościelnych // Ibid. S. 342-346; *Informacja* Wydziału Organizacyjnego KC PZPR // Ibid. S. 347-349.

⁵ См.: *Uchwała* Wydziału Administracyjnego KC PZPR o powołaniu Zespołu Polityki Wyznaniowej z dnia 24 kwietnia 1971 r. // *Tajne dokumenty...* S. 350-351.

⁶ См.: *List* Prymasa Polski do premiera rządu PRL z dnia 7 września 1971 r. // *Tajne dokumenty...* S. 356-360.

⁷ См.: *Notatka* Wydziału Administracyjnego KC PZPR dotycząca biskupa Ignacego Tokarczuka z dnia 14 września 1971 r. // *Tajne dokumenty...* S. 360-362.

⁸ См.: *Protokół* z posiedzenia Zespołu Polityki Wyznaniowej w dniu 7 października 1971 r. // *Tajne dokumenty...* S. 369-370.

признать соглашение между ПНР и ФРГ о границах по линии Одер - Нейса, подписанное 16 декабря 1970 г. Однако по большинству этих вопросов из-за максималистской позиции ПНР переговоры с Ватиканом в 1971 г. зашли в тупик и были прекращены, а возобновление диалога стало возможным только в 1972 г.

Переговоры были назначены на конец октября, перед этим представители ПНР провели консультации со своими коллегами из Варшавского блока на съезде комиссий по делам религии 22-26 октября 1972 г. в Софии. Главной целью правительства на переговорах с Ватиканом было признание римско-католической церковью социалистического строя и правопорядка, представление и утверждение кандидатов на должность епископов государством и заключение пакетного соглашения с Ватиканом. В этом случае правительство намеревалось дать разрешение на приезд Папы Римского в ПНР⁹. Подписание в начале 1970-х гг. двухсторонних договоров Ватикана с Чехословакией и Венгрией, по мнению руководства ПНР, привело к ослаблению там католической церкви. Эта модель отношений казалась польским коммунистам также привлекательной. Разумеется, «нормализация» отношений с апостольской столицей мыслилась руководителями ПНР не иначе, как только на их условиях¹⁰. Официальные отношения с Ватиканом были окончательно оформлены только в 1974 г.¹¹.

В процессе подготовки новой конституции ПНР епископат Польши добивался либерализации политики государства в религиозной сфере, о чем Польшей были взяты обязательства на европейской конференции в Хельсинки. Опыт конституционного признания церкви уже имелся в Румынии. Соответствующая статья появилась и в польской конституции¹².

Поскольку общественная поддержка режима сокращалась, а церковь становилась все более влиятельной, власти пошли на расширение диалога с духовенством. Двадцать девятого октября 1977 г. первый секретарь ЦК ПОРП Эдвард Герек впервые официально принял кардинала Вышиньского¹³. С другой стороны, в пра-

⁹ См.: *Notatka Wydziału Administracyjnego KC PZPR w sprawie rozmów polsko-watykańskich z września 1972 r.* // *Tajne dokumenty...* S. 398-406.

¹⁰ См.: *Protokół z posiedzenia Zespołu Polityki Wyznaniowej w dniu 7 października 1971 r.* // *Tajne dokumenty...* S. 372.

¹¹ См.: *Яжборовская И.С.* Указ. соч. С. 27.

¹² См.: *Opracowanie MSW o próbach wykorzystywania Kościoła rzymskokatolickiego przez ośrodki dywersji ideologicznej i politycznej z września 1974 r.* // *Tajne dokumenty...* S. 411-422

¹³ См.: *Яжборовская И.С.* Указ. соч. С. 30.

вительстве осознали необходимость активизации прямых контактов с Ватиканом без посредничества польского клира для уменьшения политического влияния последнего. На этой волне, особенно после принятия конституции 1976 г., отношения ПНР с Ватиканом становились всё более интенсивными.

Эдвард Герек 1 декабря 1977 г. нанёс визит в Рим, встретившись перед этим с кардиналом Стефаном Вышиньским. В преддверии тысячелетия государственности заговорили о приезде главы церкви в Польшу, предполагалось, что это произойдет 3 мая 1978 г.¹⁴. Власти заменили Скаржиньского, против кандидатуры которого во главе комиссии по делам религии протестовал клир, Каколем, к которому костёл относился лояльно. Стороны были готовы пойти и на другие взаимные уступки¹⁵.

Павлу VI не довелось посетить Польшу, и лишь его преемник Иоанн Павел II впервые нанёс визит в ПНР 2-11 июня 1979 г. Это стало существенным шагом к «потеплению» двусторонних отношений¹⁶. В конце 1970-х гг. правительство ставило задачу проведения мирных инициатив в Европе через посредничество Ватикана. Общая идея сотрудничества с Ватиканом развивалась параллельно с решением задачи ослабления католической церкви внутри страны, поставленной в конце 1970-х гг. в качестве основной на следующее десятилетие.

Ватикан во внешнеполитической доктрине ПНР занимал значительное место. Главными задачами на протяжении 1970-х гг. были добиться от костёла признания законности социалистического строя в Польше и использовать Ватикан в качестве посредника в отношениях с государствами Запада, в том числе по вопросу признания границ между Польшей и ФРГ. Кроме того, двусторонние отношения с Ватиканом отчасти служили средством ослабления католической церкви внутри страны.

Виноградова Юлия Александровна – аспирантка кафедры зарубежной истории и международных отношений РГУ им. И. Канта.

¹⁴ См.: *Kopia pisma Konferencji Episkopatu Polski do przewodniczącego Rady Państwa z uwagami do projektu Konstytucji PRL złożona na ręce sekretarza KC PZPR Stanisława Kani 28 stycznia 1976 r.* // *Tajne dokumenty...* S. 428-433.

¹⁵ См.: *Notatka kierownika Urzędu do Spraw Wyznań Kąkola z rozmowy z prymasem kard. Stefanem Wyszyńskim z 3 listopada 1977 r.* // *Tajne dokumenty...* S. 434-441.

¹⁶ См.: *Notatka Wydziału Administracyjnego KC PZPR na temat problemów polityki wyznaniowej z 16 czerwca 1980 r.* // *Tajne dokumenty...* S. 443-450; *Филитов Б.А.* Иоанн Павел II // *Вопросы истории.* 1993. № 3. С. 49-55.

Научное издание

РЕТРОСПЕКТИВА
Всемирная история глазами молодых исследователей

Сборник научных статей

Выпуск 2

Ответственный редактор
Виктор Владимирович Сергеев

Подписано в печать 11.01.2006. Формат 60 x 90 1/16
Гарнитура «Таhoma». Бумага для множительных аппаратов.
Ризограф. Усл. печ. л. 6,5. Уч.-изд. л. 5,7.
Тираж 300 экз. Заказ

Издательство Российского государственного университета им. Иммануила Канта,
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14